VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Ахалтекинец

Великий скакун истории

«Если бы в мире потребовалось
утвердить знамя
красоты и совершенства,
им бы стал неукротимый
как ветер, непревзойденный
ахалтекинский скакун!»

Сапармурат Туркменбаши.
Рухнама

Дорогие читатели!

Рад представить вам книгу, с обложки которой смотрит на вас знаменитый туркменский ахалтекинец. Убежден, что вас зачарует облик этого скакуна, домчавшегося к нам из глубин туркменской истории, которой, как известно, пять тысяч лет.

Пять тысяч лет — вместе с человеком… Это неслыханный в природе пример дружбы и беззаветного взаимного служения, любви и привязанности. Обо всем этом и многом другом, что касается судьбы ахалтекинца и судьбы нашего народа, вы узнаете, прочтя эту книгу.

Мне бы хотелось, дорогие друзья, пользуясь случаем, сказать вот о чем. После всех испытаний, выпавших на долю туркмен, их как нации могло бы и не быть: таковым было наследство последних столетий, и в особенности XX века.

Мы возродились в полном смысле слова как птица Феникс — из пепла. Но главное, что это возрождение исполнено мощной созидательной энергии, двигающей нас вперед и вперед, к вершинам Золотого века. За 12 лет независимости мы не только построили светлый и добротный государственный дом, мы обжили его и продолжаем обживать с той основательностью, с которой наши предки возводили могущественные государства.

Завещав нам мудрость тысячелетий, это они, наши пращуры изобрели скакуна, который и «домчал» эту мудрость до наших дней. Ахалтекинец — не просто живой свидетель истории и ее быстроногий гонец, он — ярчайший выразитель всех жизнеспособных качеств туркменского народа, позволивших ему не на века — на тысячелетия закрепиться на земле, ниспосланной Всевышним.

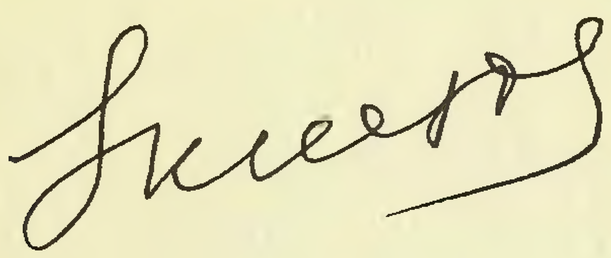
Преклоняясь перед конем, туркмены выражали тем самым свое отношение к живой природе, черпая в этом неистребимую веру в высший разум, подаривший человеку многокрасочную, полнокровную жизнь.

Прожить ее с честью, гордостью и достоинством помогал туркмену ахалтекинец. Он и сегодня с нами. Более того, он стал символом новой духовной эпохи туркмен, олицетворяя ее своим изображением в Государственном гербе Туркменистана.

Он никого не оставляет равнодушным, наш ахалтекинец, вызывая восхищение всех, кому понятна и дорога красота сущего. И в этом тоже его великая миссия на Земле — объединять сердца, исполненные любовью к совершенному явлению природы.

Желаю вам, дорогие читатели, проникнуться этим единым чувством красоты и совершенства. Надеюсь, что многие из вас глубже поймут душу туркменского народа, подарившего миру непревзойденного ахалтекинского скакуна.

Счастья вам и благополучия!

Президент Туркменистана
Сапармурат Туркменбаши

АХАЛТЕКИНЕЦ

ВЕЛИКИЙ СКАКУН ИСТОРИИ

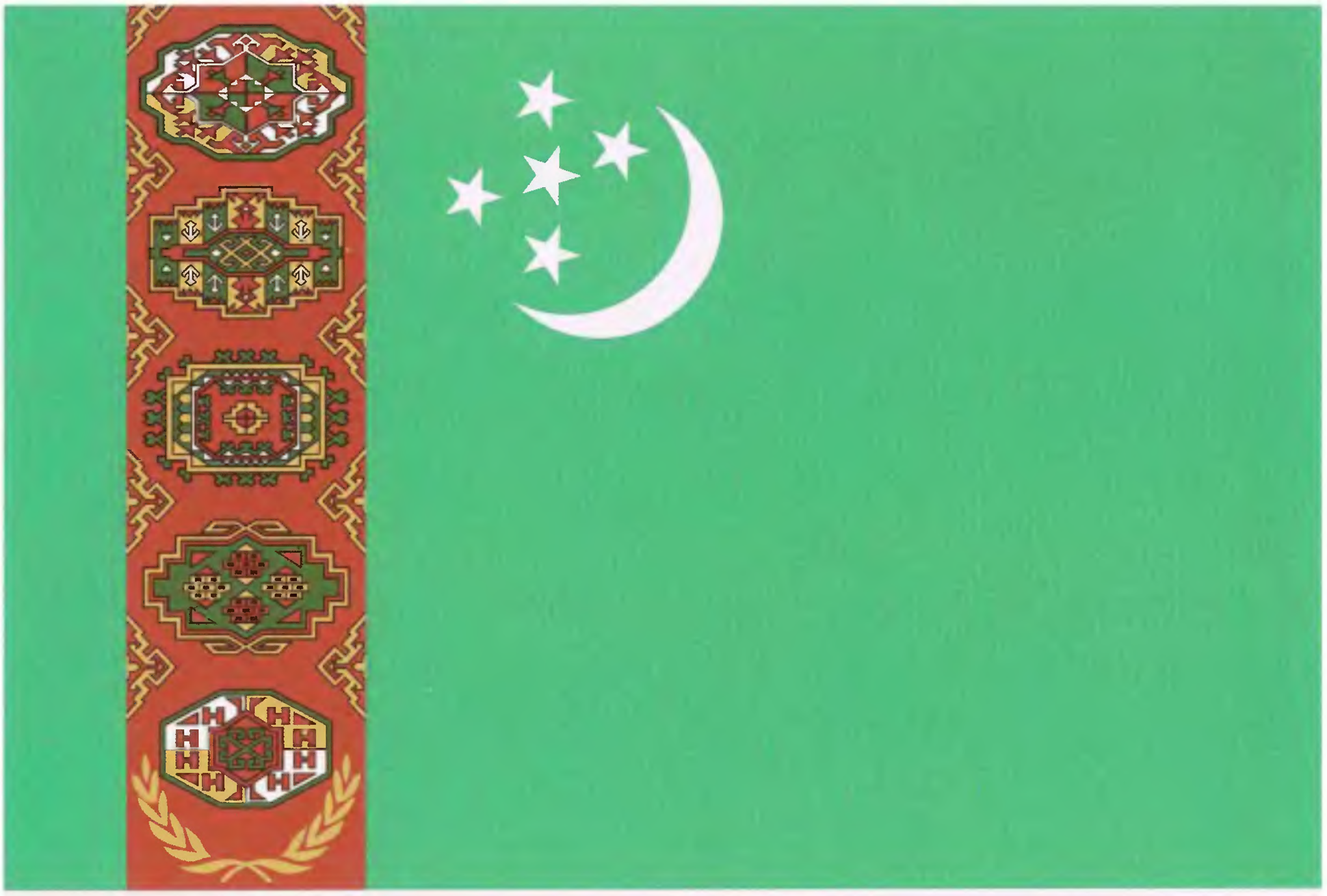
АШХАБАД ● 2003

Государственный герб Туркменистана

Янардаг

Государственный флаг Туркменистана

Штандарт Президента Туркменистана

**В живописной долине предгорий Копетдага,
на родине знаменитых скакунов,
раскинулся уникальный коннозаводческий центр —
Ахалтекинский конный комплекс
Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши**

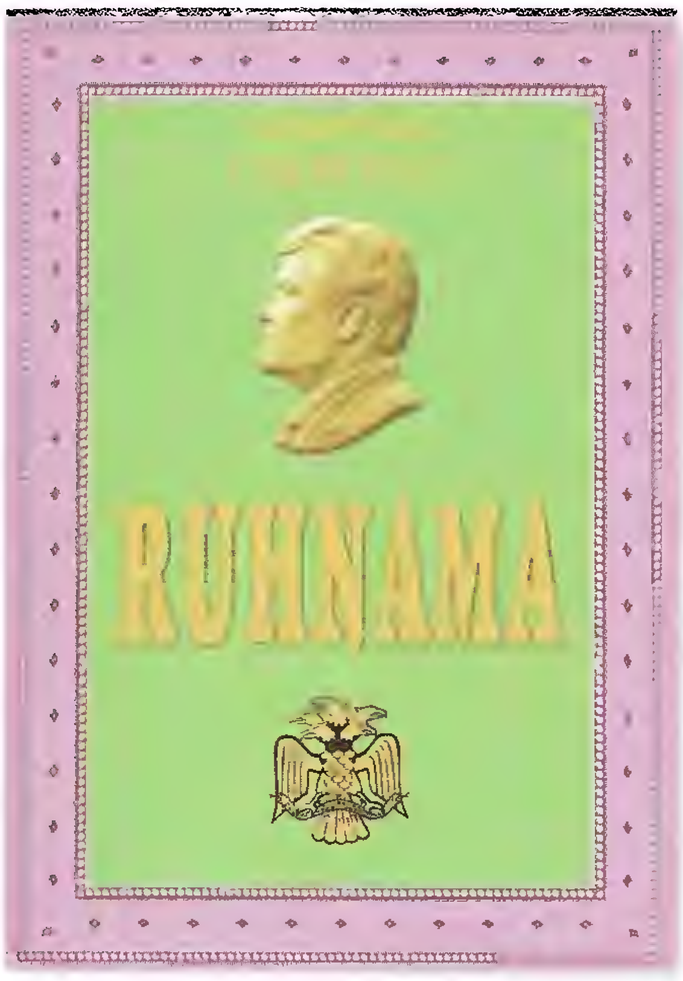

Предгорье Копетдага: там, где когда-то процветала могущественная Парфия

На древней анауской земле.

Шелевры ювелирного искусства
иссгари украшают скакунов.

Предисловие

Немного найдется на Земле народов, чья древнейшая история материализована в памятниках культуры, дошедших до наших дней в своей первозданной красоте и нетленном значении. Все, к чему прикасались руки этого народа-мастера, получило постоянную "прописку" во всеобщей цивилизации мира за гениальность замысла, совершенство исполнения и практическую воспроизводимость в веках. Ведь и поныне лучший под небесами конь — ахалтекинец, лучший на земле ковер — туркменский, сараджинская овца и овчарка "алабай" — непревзойденные в своем роде, как и дыня-вахарман, и национальная одежда туркменок, и ювелирные украшения из серебра, ставшие воплощением музыкальной и поэтической души этого фантастически талантливого и фантастически скромного народа.

Ведь немного на земле и народов, чей национальный гений, воплотившийся в непомеркших образцах человеческих деяний, был бы столь незаслуженно обойден историей. И уже совсем немного народов, кто подобное забвение пережил бы так терпеливо и хладнокровно, как пережил его туркменский народ. Так что главный памятник этого народа — он сам, сохранивший за пять тысяч лет своей истории изначальную суть народа-творца, несмотря на невероятные скачки и зигзаги этой самой истории. Не будь у туркмен коня, навряд ли осилили бы они эту тяжелейшую дистанцию, протянутую во времени, приближенном к вечности.

Понять феномен этого народа в отрыве от созданных им шедевров столь же трудно, как сами эти шедевры представить вне духовного склада нации, таинственным образом отстоявшей схватку со временем.

Познать эту тайну — заманчивая и сложная задача, но сегодня она облегчена тем, что появилась у туркмен книга, пролившая, наконец, свет на все перипетии их сложной и звездной судьбы, на их происхождение и долголетие, на истоки их духа и неувядаемого жизненного вдохновения. С помощью Рухнама и пронзительного, всепроникающего взгляда Сапармурата Туркменбаши на природу вещей и сущность мира мы и отправляемся в путь по безбрежным просторам туркменской истории, путь, проложенный конем и человеком…

Глава I

ЗА ТАЙНАМИ ВЕКОВ

5 миллионов лет или «момент истины»?

«Господь не обрек человека на одиночество».
Рухнама

Если можно было бы собрать воедино все сведения, накопленные человеком о лошади, и просеять их сквозь сито истины, правильный ответ на вопрос, когда была приручена лошадь, все равно не был бы найден. Спор на эту тему ведется давно и конца ему не предвидится: за пятью миллионами лет эволюции лошади и в самом деле трудно разглядеть «момент истины», а именно: время превращения дикого тарпана в доброе, резвое, почти разумное существо.

В принципе, это напоминает спор об эволюции самого человека. Не углубляясь, за неимением достаточных доказательств, в этот спор, зададимся одним-единственным вопросом: путем какой эволюции приобрела лошадь интеллект, без которого она никогда бы не стала конем — гонцом и двигателем цивилизации?

А потому оставим в покое дикого прародителя нашего ахалтекинца и обратим свой взор туда, где, как говорится, «и конь не валялся». В самой этимологии этой поговорки — ключ к вопросу о месте и давности происхождения коня. Не лошади, а именно коня. Как говорится в другой поговорке, «кляча воду носит, лошадь пашет, конь под седлом». «Не валялся» этот конь там, где его вовсе не было и быть не могло: вне ареала его природного распространения и человеческой выучки. Туркмены оказались на этой земле в нужный час и в нужном месте. Здесь, по всей вероятности, их уже ждала лошадь, выпестованная особым климатом и природой этого благодатного края. Люди же

приложили руки и душу — и из лошади возродился конь.

Вся последующая тысячелетняя селекция ахалтекинца — это обязательное скрещивание выдающихся линий внутри одной породы — и никаких отступлений. Год за годом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием! Невероятно, но факт! Не случайно, что именно туркмены сумели выпестовать породу, не поддавшуюся искушениям времени. Ведь и они сами на протяжении всей своей истории сохраняли родо-племенную организацию, удивительным образом удерживая в коллективной памяти свою родословную, завещанную Великим Огуз ханом туркменом — прародителем нации. А устное народное творчество, ставшее «живой» книгой тысячелетних легенд, сказаний, песен бахши? Не здесь ли сплелись воедино уни-

кальные свойства этого народа трудом, умом и памятью закреплять Богом данный талант, интуицию и способность к продолжению рода? Конь же оказался в этой трудной жизненной борьбе самым незаменимым, самым верным другом.

«Иногда я очень устаю, — пишет в Рухнама Сапармурат Туркменбаши. — И тогда иду в конюшню. Заслышав мои шаги, мой серый аргамак начинает всхрапывать, издавать радостное ржание. Он носится по конюшне, кружится, приветствуя меня. Потом, слегка успокоившись, подбегает ко мне. Я глажу его по голове, расчесываю гриву, заглядываю в его большие, умные глаза. И вспоминаю Гёроглы: «Если есть у тебя язык, заговори, Гырат!» И мой конь говорит — глазами! В них и радость, и восторг, и улыбка. Мне хочется обнять коня, прижаться к нему. В эту минуту я понимаю, почему Гёроглы больше всего на свете любил своего Гырата, почему он говорил: «Ребенка не просил, тебя просил я».

Воистину «Господь не обрек человека на одиночество. Творец создал эту землю для человечества, для него он засадил ее цветущим разнотравьем. И птицы созданы для человека, и все остальное на этом свете». Мудрые слова. Не в них ли «момент истины»?

В плену у времени

«В Рухнама я возвращаю слово
«туркмен» на его исконное место».

Сапармурат Туркменбаши

Тысячи лет гарцевал по просторам Земли конь, за право владения которым схватывались цари, народы и целые государства. Облик этого дивного животного, завораживающего своей небесной красотой, запечатлен на всех эпохальных находках, выстраивающих в единую нить процесс движения человеческой цивилизации. Тысячи легенд и сказаний воскрешают небесное происхождение коня золотистой масти подобного ветру. В необозримой дали веков затерялся след крылатого Пегаса — вдохновителя искусств и крылатого Кентавра, олицетворяющего слияние коня и человека.

Гарцуя на небесах, этот конь неизменно благородной стати то и дело появляется на земле символом каждой новой эпохи цивилизации, но каждый раз под новым именем — хеттского, нисайского, парфянского, персидского, арабского — в зависимости от территорий его обитания и притязаний их обитателей. Позже на Руси появится аргамак, и это звучное название навсегда прикрепится к коню, о котором известно только, что он с Востока…

Сегодня уже нет особой нужды доказывать, что весь этот собирательный образ древнего коня рожден благодаря той единственной в мире породе, которая, придав единство «крылатому» мифу о божественном скакуне, самой себе, уже на земле, обеспечила прочность и необратимость своих породных качеств. Туркменский конь, или ахалтекинец — это название породы основательно войдет в мировой обиход лишь в XIX веке, внеся справедливую поправку в родословную «восточного» аргамака.

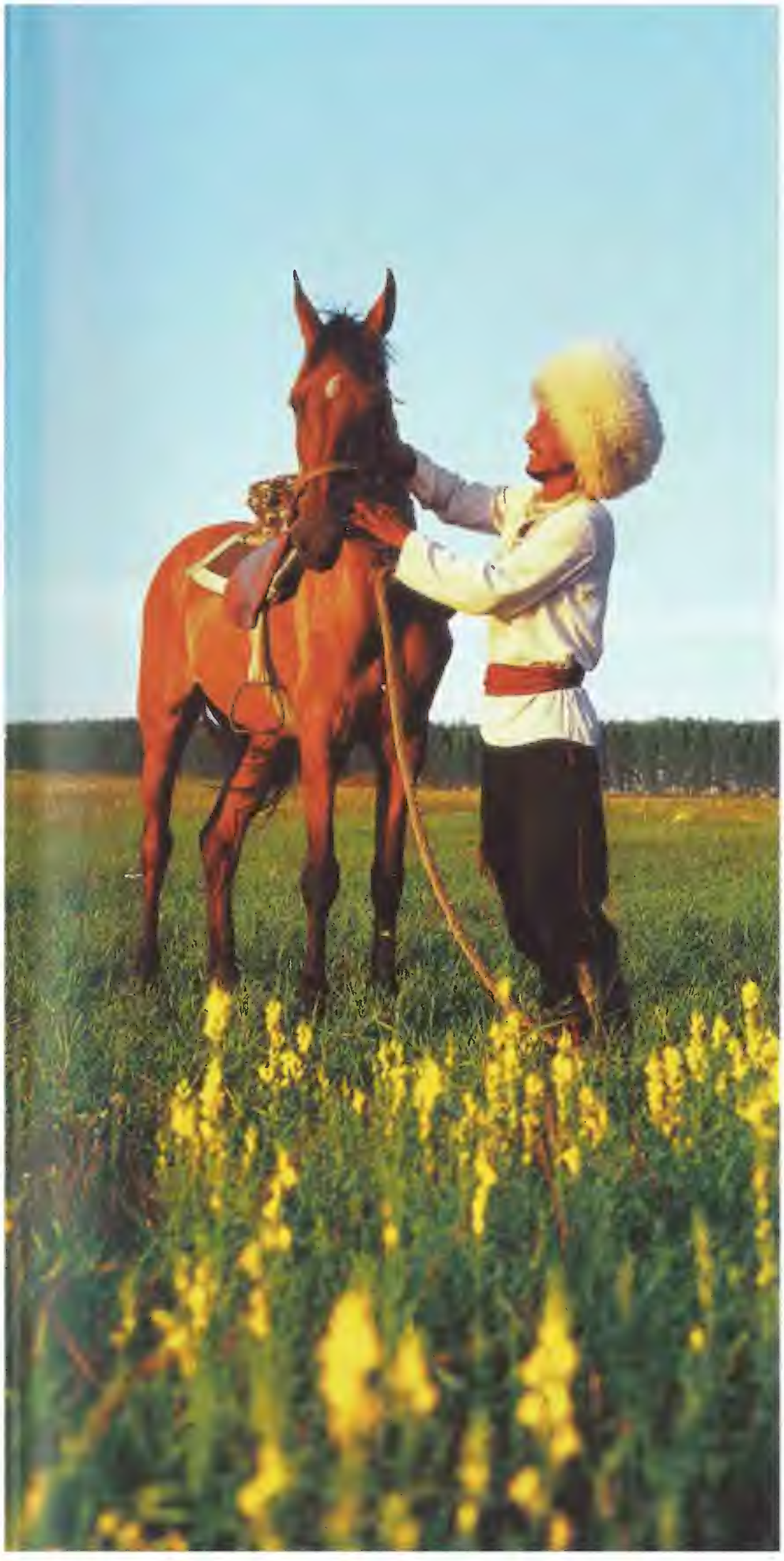
Почему же так долог был путь нашего быстрого скакуна к своему подлинному имени, неотделимому от имени народа-создателя?

И здесь гордый профиль ахалтекинца вновь встает символом истории самого народа, изначальное имя которого было сокрыто под наименованиями территорий, эпох, цивилизаций, где оказывались туркмены и где они были и оставались верны своему Богу и самим себе.

Перемещаясь на огромном пространстве мира со дня его сотворения, туркмены не могли быть малочисленным и пассивным народом, иначе не возникало бы на всех перекрестках мировой истории живого свидетельства его уникальной и жизнеспособной культуры, а именно боевого коня, посредством которого одерживались победы в завоевательных походах человечества.

Эта длительная историческая миграция, поглощавшая на каких-то своих этапах внешнюю, именную принадлежность народа, никогда не могла подорвать его основы, проявлявшейся в неизменном воспроизводстве родовых генетических качеств. И каким бы этносом, государством, территорией не поглощался или не порабощался этот народ в различные периоды своей истории, он неизменно сохранял ядро нации, которое рано или поздно заявляло о себе мощным государственным образованием. «Государства туркмен, начиная с эпохи Огуз хана, — говорится в Рухнама, — оставили яркий исторический след в судьбе Азии и Европы. Парфянское государство, Газневидское туркменское государство, империя туркмен-сельджуков и царство куняургенчских туркмен оказали заметное влияние

на историко-политический климат мира, подняли на небывалую высоту экономику и культур этих эпох цивилизации».

Принеся на алтарь человечества свои неоспоримые заслуги, туркмены уже много позже — скорее под моральным, чем физическим натиском преуспевших народов, натиском, который оказался чужд их энергичной, но по-детски открытой душе, постепенно сходят с исторической арены.

Объясняя этот парадокс многими причинами, в том числе доминированием в восточной историографии арабо-иранской языковой культуры, приписавшей все исторические достижения странам своего происхождения, Сапармурат Туркменбаши, как подобает подлинному лидеру и настоящему туркменскому сердару, кровью сердца напишет эти пламенные строки: «В Рухнама я возвращаю слово «туркмен» на его исконное место. Время забвения прошло, наш священный долг перед памятью предков осознать подлинный смысл и значение Богом данного нам имени».

Вернуть былую славу ахалтекинцу — значит не только осознать его роль в судьбе туркменского народа, но и проследить весь тот путь, которым он прогарцевал по дорогам мировой истории.

Где теряются следы ахалтекинца?

«Ничто в мире не может спорить с ними
в быстроте, голуби и журавли
едва поспевают за ними».

Древнегреческий историк Ксенофонт

Люди живут настоящим, мечтают о будущем и скорбят о прошлом… Что касается прошлого, то дело, скорее, не в утерянном безвозвратно, а в возможностях самой человеческой памяти.

Как случилось, что история туркмен, чье летоисчисление сегодня зримо представлено древнейшими археологическими памятниками культуры, начиная с 6 тысячелетия до н.э., исчезает из виду на долгие-долгие века, заявив о себе в полной мере лишь в эпоху туркменского реннесанса — к XI — XII векам новой эры? Однозначный ответ на этот вопрос дать так же трудно, как мысленно представить эту невероятную даль времен.

Впрочем, не в ней ли — в этой громадной временной отдаленности причина исторической путаницы, смешавшей и людей, и коней, заставившей нас скорбеть о том, что не восстановимо в памяти?

Рухнама стала первой книгой, что внесла ясность в этот непростой вопрос, она стала тем мерилом истории древнего народа, что позволило эту историю представить в едином, неразрывном целом. Оставляя историкам право и обязанность говорить фактами, Рухнама высветила то, что составило целостность и преемственность туркменской истории — ее внутреннюю духовную сущность. Но Рухнама сделала и другое важное открытие — об историческом возрасте нации, исчисляемом историческим возрастом принадлежащих ей

творений материальной культуры. Таким образом, понятие «огузтуркменский народ», введенное в исторический лексикон Сапармуратом Туркменбаши, подкрепляется неопровержимым доказательством древности туркменской нации, древности, свидетельства которой так или иначе несет в себе всемирная история. И в первую очередь благодаря коню, оставившему свой след во всех культурах мира.

Безусловно, этот мир знал не одну породу лошадей, тип которых формировался прежде всего природно-климатическими условиями их обитания. Но речь идет о коне, удостоенном чести быть увековеченным в искусстве и мифологии разных народов, населявших громадные территории Ойкумены от Атлантического до Тихого океана. Но поскольку сама история этих народов, во многом спорная, во многом приблизительная, а во многом и взаимоисключающая, представляет сегодня не стройную картину, а мозаичное полотно, то и конь в ней выступает аргументом в пользу тех или иных споров или доказательств. По признанию самих ученых, как за честь оказаться родиной Гомера спорили малоазийские города, так и за то, чтобы оказаться родиной коня, спорили разные страны и исследователи...

Каменный рельеф из Месопотамии.

Как символ космогонического значения предстает фигурка лошади на парфянском керамическом ритоне, найденном в Коша-депе возле Бабадурмаза (Ахалский велаят).

Терракотовая фигурка парфянского всадника, хранящаяся в Лувре. I-II вв. н.э.

Не вдаваясь в подробности этой сугубо научной дискуссии, заметим: все доказательства так или иначе, прямо или косвенно указывали на один и тот же тип лошади, будь это останки боевого коня со всей амуницией, хорошо сохранившиеся в вечной мерзлоте алтайских курганов, либо изображения колесниц египетских фараонов, либо ассирийские или урартские рельефы, запечатлевшие типичный экстерьер ахалтекинца: сухое гармоничное телосложение, высокая холка, тонкие ноги, живой темперамент, аккуратно подстриженные гривы.

Что смущало ученых? По-видимому, тот факт, что этот тип лошади воспроизводили археологические находки, относящиеся как к разным векам и тысячелетиям, так и отстоящим друг от друга на тысячи километров землям и территориям. Допустим, одна из самых ранних находок, датируемая IV тысячелетием до н.э., обнаружена в Туркменистане на городище Кара-депе и воспроизводит типичное изображение ахалтекинца в виде терракотовой статуэтки. Но как эта же лошадь, экстерьер которой невозможно перепутать, спустя четыре тысячи лет оказывается в алтайском кургане? Или как она же в разгар хеттско-египетских войн XIV века до н.э. становится единственно мощным оружием сражений, при этом в таком количестве, что хеттский царь сообщает царю Вавилона: «В стране брата моего лошадей больше, чем соломы».

Те ли это кони или другие? А какие другие, если именно в Хеттском царстве появился знаменитый трактат о тренинге лошадей, расшифрованный только в начале 20-го столетия и который, по признанию самих иппологов, точь-в-точь повторяет приемы тренинга ахалтекинцев, широко применяемые туркменами еще в конце 19 века?..

Ученых можно понять. В самом деле: кто же и где не только взрастил, но и сохранил, пронес породу через тысячелетия? Кто этот народ-невидим-

Огузский всадник. Древнеболгарский наскальный рельеф.

ка, возникающий со своим конем в истории то тут, то там? Если у него скупают коней, то в каком же тогда количестве? Если он сам приходит на новые территории, приводя с собой красавца-скакуна, — то сколько же его самого? Но ведь канули в лету и дахи, саки, хетты, массагеты, скифы, киммерийцы, а конь-то остался. К слову сказать, сегодня уже некоторые ученые доказывают, что не было такого народа — киммерийцы, что в правильном переводе это просто «передвижной конский отряд».

Серебряный ритон из Прикаспия. V-VI века.

Невольно на ум приходит сравнение из Рухнама со слоном из притчи Джелалетдина Руми, в которой слепой, дотрагиваясь то до ноги, то до хобота слона, не может определить, кто перед ним. «Так и с туркменами: некогда большой по численности народ, этническая структура которого истари подвержена племенному делению (как ни у одного другого народа в мире), представал перед взором любопытствующих с разных точек зрения».

Передвигаясь по безбрежным просторам Евразии на быстроногих скакунах, этот многочислен-

На развалинах Старой Нисы — святилища Аршакидов, первой династии парфянских царей.

Александр Македонский на своем знаменитом ахалтекинце Буцефале. Античная мозаика, IV век до н.э.

ный, но загадочный народ оставляет потомкам знаки-символы своей жизни, в том числе и связанные со своим конем.

А конь этот то и дело заявляет о себе едва ли не каждым значимым событием, будь то первое зафиксированное в военной истории хеттско-египетское сражение при Кадешах, или поход Александра Македонского, или знаменитая победа парфян над римским императором Крассом.

Когда же за дело возьмутся профессиональные историки древности, этот конь уже навечно оставит свои следы на скрижалях всемирной истории. В V веке до н.э. Геродот напишет: «Есть на востоке обширная территория по имени Нисайя, где водятся величественные лошади». Правда, впоследствии выяснится, что Геродот перепутает две Нисайи — парфянскую и иранскую (впоследствии Нишапур), чем обречет иппологов на длительные

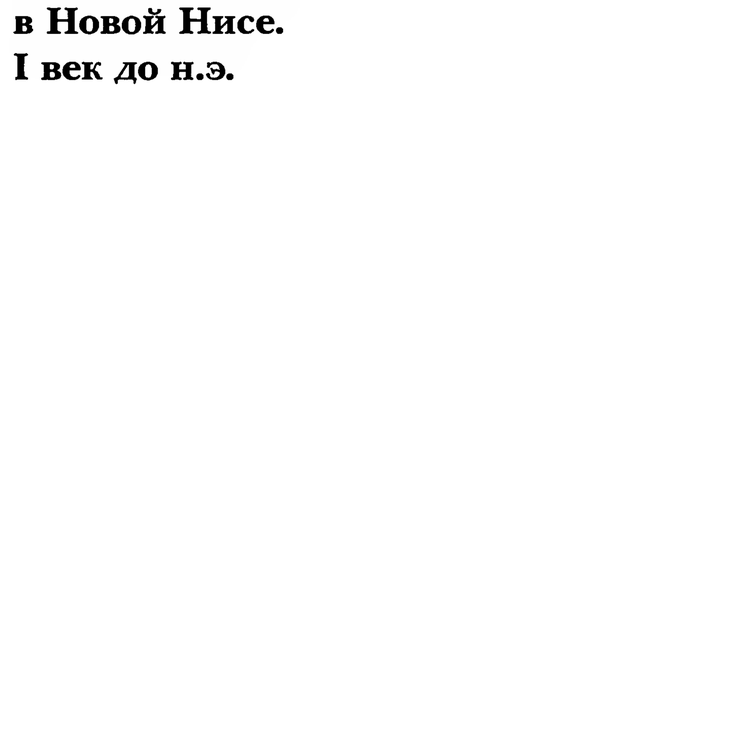
Стены святилища в Старой Нисе были обильно украшены фресками с изображением батальных сцен, от которых до наших дней сохранились лишь небольшие фрагменты.

и безуспешные поиски коня персидской породы. Спустя пять столетий знаменитый географ древности Страбон подтвердит: «Нисейские лошади самые крупные и самые лучшие, ими пользуются персидские цари». А знаменитая, облетевшая весь мир, поистине крылатая фраза «Полцарства — за коня?» Ее увековечил в своих трудах древнегреческий историк и философ Ксенофонт, поведавший притчу о конных состязаниях между представителями разных народов, устроенных персидским царем Киром. Когда начались бега, то вперед вырвался сакский воин, оставив далеко позади остальных всадников. Кир предложил ему царство в обмен на коня, но всадник ответил отказом.

А эти вдохновенные строки, написанные во II веке н.э., принадлежат уже древнеримскому историку Аппиану: «Кони Несеи превосходят всех своей красотой, это кони, достойные могущественных царей. Высоко несут они свою гордую горбоносую

Нашивная пластинка из золота с изображением кентавра, найденная в Новой Нисе. I век до н.э.

Созвездие Пегаса. Рисунок из атласа звезд ал-Суфи. X век.

голову и со славой реют в воздухе золотые их гривы». С приходом парфян величественный конь станет рыцарским символом могущественного государства, подчинившего себе огромное пространство от Месопотамии до Индии.

А легенда о могущественном израильском царе Соломоне, воспылавшем особой любовью к «крылатым» коням? Когда их для него с большим трудом поймали в пустыне, Соломон промолвил: «Красивее этих коней нет ничего в мире, но созерцание их может остановить все благочестивые дела». Поэтому было приказано уничтожить этих благородных животных и оставить в живых одну пару. От нее, по легенде, и повелся род ахалтекинцев.

Так где же теряются следы ахалтекинца, те следы, которые уводят не столько в глубь веков, сколько в глубину человеческого духа? Перемещаясь по земле, отвоевывая по воле человека не только пространства территории, но и времени, этот конь становится героем легенд, мифов, эпосов и сказаний практически всех народов, с которыми он породнится, которым принесет победы в исторических схватках.

«Крылатый конь», «небесный конь», «морской конь», «конь, живущий на вершине горы» — далеко не полный перечень эпитетов, которым награждали чудо-скакуна в древних мифах и легендах Китая и Индии, Египта и Вавилона, Греции и Рима. И так же, как в земных отпечатках коня прослеживается единство экстерьера, так и в его мифологической жизни прочитывается единство небесного, божественного происхождения, неотделимого от его масти. Золотистый, рыжий, буланый, белый, «цвета кашемили», это создание небес кочует из эпоса в эпос, из мифа в миф символом красоты, скорости, отваги и безграничной преданности человеку.

Кентавр на парфянском ритоне из Старой Нисы. II век до н.э.

Ученых давно занимают вопросы о «крылатости» мифического происхождения коня, о значении символа кентавра, укоренившегося и в парфянской культуре, и в греческой мифологии, о культе захоронения коня у древних и о культе коня как таковом, свидетельствующем о высочайшем поклонении ему человека.

Во многом на эти вопросы отвечает не только история туркменского народа, но и сама его жизнь, как прошлая, так и настоящая. Ибо ни одна культура не донесла, не расплескав на историческом пути, столь очевидных свидетельств духовной прародины крылатого скакуна, которого народный дух поселил там, где обитает Всевышний — на небесах, там, — на

Бронзовая фигурка кентавра из Нисы. II-I века до н.э.

Конь в древности олицетворял культ Солнца, был атрибутом солнечного божества.

горах и в море, откуда восходит и заходит Солнце. Конь для туркмен — символ Солнца потому, что, по их представлениям, вынесенным из глубины веков, самому быстрому и надежному светилу на Земле (смена дня и ночи) должно соответствовать самое быстроногое на Земле животное.

Конь для туркмен — все. Он был центральной фигурой на всех народных торжествах: свадьбе, рождении сына, обряде обрезания (суннет). Устраивались скачки (ат чапышыгы), проводились конные игры, такие, к примеру, как «овлан чапды» (козлодрание). Все крупные праздники и события начинались скачками на дистанции от 250 до 1000 метров. Надо видеть сегодняшние скачки — и несущихся, как ветер, коней со слившимися в единое целое всадниками, и глаза зрителей на трибунах — от мала до велика. В них — все, что могут выразить человеческие глаза в минуты радостного восторга.....

Конь для туркмен — все. Всегда, во все времена. О нем сложены тысячи пословиц и поговорок, он — герой всего устного народного творчества. Когда о нем поет бахши, и звуки его голоса на крыльях

Святилище «Дуль-дуль» в селении Багир под Ашхабадом.

мелодии дутара пробуждают вечный сон пустыни, то кажется, что нет ничего величественнее и прекраснее этого народного гимна скакуну.

Имя мифического коня Дульдуля, как и Гырата — героя эпоса Гёроглы, перелетавших, спасая своих хозяев, через горы и реки, живут в сознании туркмен непреходящим священным символом могущества жизни. «Кормушки», «приколы», «отпечатки копыт» Дульдуля в большом количестве сохранились в самых разных уголках Турк-

**Серебряная монета.
IV век до н.э.**

менистана. В Багире (селении под Ашхабадом) жители как зеницу ока берегут камень со следами копыт Гырата. Считается, что обнесение вокруг него семь раз больных жеребят исцеляет их от недугов.

В греческой мифологии Пегас (от греч. «пеге» — «источник», так как родился у источников Великого Океана) ударом копыта выбил на Геликоне источник Гиппокрену («лошадиный источник», который приносит вдохновение поэтам). Изображение Пегаса часто встречается на керамических сосудах и монетах парфянских правителей. Не отсюда ли, задаются вопросом некоторые ученые, распространилось мнение, что ахалтекинские кони — это потомки «крылатых» коней?

Наверное, и отсюда тоже. Но возникает другой вопрос: а что навеяло этот образ самим парфянам? Ведь не возник же он на пустом месте, если иметь в виду и древнее происхождение самого коня, и всю сопутствующую ему мифологию народа, его создавшего. И если след коня теряется, а точнее сказать, растворяется в этой мифологии, то где берет начало она сама? Заглянем в Рухнама.

«...Огузы верили в небо, которое отождествляли с Богом. Их единобожие — от поклонения небесному Богу, ведь и поныне небеса олицетворяют Всевышнего».

«...Государь большой страны Огуз хан туркмен достает не меч из ножен, он достает из своего сердца вложенные туда Господом слова. Ими, словно вынутыми из тамдыра лепешками, он покорил весь мир, а сородичей своих призвал к вечной вере и душевной чистоте».

«...В эпоху, когда египетские фараоны провозглашали себя сыновьями Бога, ища бессмертия в каменных пирамидах, наш пращур Огуз хан, надев на себя золотую кольчугу и железные доспехи, начинает свою вечную жизнь. Его бессмертие — в легендах и сказаниях, духе и сознании своего народа».

Родоначальник туркменского народа Огузхан.

**Серебряная монета.
IV век до н.э.**

В историю — на коне и колеснице

«Самый лучший конь тот, что бежит резво».
Огуз хан туркмен

Закроем на минуту глаза и попытаемся мысленно представить себе картину древнего мира. Что нарисует нам наше воображение? Грозную, драматичную картину мятущихся народов, ищущих своего места под солнцем. Картину, сопровождаемую войнами, битвами, сражениями, захватами людей, земель, государств...

Во многом так оно и было, но история древнего мира богаче нашего воображения. Это великая, загадочная история, утаившая от нас многое, и, пожалуй, главное — самого человека. Каким же он был, древний человек — варваром, захватчиком, поработителем, приспособившим к этим целям и коня? «Варварийский конь» — ведь и такое название носил ахалтекинец в истории.

А не приблизительно ли мы судим о прошлом? Ведь, как известно, наш предок мало чем от нас отличался, а, возможно, был разумнее, даровитее нас. Другие были времена, другие нравы, но человек был и оставался человеком с его неистребимой жаждой к познанию нового. Это сегодня можно, не выходя из дому, побывать на всех материках. А древний мир передвигался и общался при помощи единственного средства — коня, да что там древний мир — вся цивилизация, вплоть до конца XIX века.

Но молодые годы человечества, судя по воздвигнутым им культурам, отличались особым настроем ума у людей, особой изобретательностью в способах познания мира и самопознания самих себя. И в этом смысле история туркмен, как

одного из древнейших народов, являет ярчайший образец этой изобретательности, благодаря которой не только он сам — весь мир получил способ и средство обмена знаниями, информацией, добытыми у жизни навыками труда, умения и мастерства.

Туркмены пришли в этот мир не воевать, они пришли его обживать — с основательностью, воспринятой от их небесных и земных наставников. Об этом и повествует Рухнама, пласт за пластом вскрывая глубочайшие залежи духовности народа, чья культура оказалась замешана именно на этой духовности, что и сообщило ей беспрецедентное, феноменальное долголетие.

Конь, как часть этой культуры, а, может, и ее родоначальник, стал живым свидетельством и этого долголетия, и этой основательности, и обращенности в мир и к миру.

Когда Огуз хан делил свой уже многочисленный к тому времени народ на племена, провидчески видя в этом залог единства и сохранности нации в тех исторических условиях (по принципу кодирования в памяти признаков каждого рода), он уже имел хорошо обученное войско и, следовательно, натренированного коня. «Мы ведем свою родословную с Огуз хана потому, — утверждает Сапармурат Туркменбаши, — что именно он, осознав значение нации как способа достижения духовной близости людей и материализации их культуры, сумел еще пять тысяч лет назад добиться национально-политического единения туркмен».

Тот факт, что первым символом-тотемом эпохи Огуз хана был бык, а не конь, говорит о многом, и в первую очередь, о том, что конь уже составлял неотъемлемую часть жизни народа. Бык же олицетворял те качества, которые необходимы были на тот момент истории, когда туркмены

Украшение жреческого инвентаря в виде головы быка из Алтын-депе. Золото. Конец 3 тыс. до н.э.

преображали своим трудом природу родной земли, способствуя ее плодородию и процветанию.

Что касается коня, то Огуз хан оставил бесценное свидетельство не столько его роли в жизни народа, сколько значение самого человека в выучке коня, то есть, говоря современным языком, научное, иппологическое обоснование его тренинга. «Хорошим конем считается как упитанный конь, не утративший резвости, так и менее упитанный, а порой и вовсе тощий, но остающийся таким же энергичным. Хороший конь лишь тот, кто бежит резво».

Резвость — это тот непременный результат, который должен быть достигнут и в современном тренинге. При этом нередко считается, что резвость и выносливость — это два разных фактора: резвый конь не всегда может быть выносливым и наоборот.

Туркмены — иппологи от природы — так не считали никогда. Резвый конь не мог быть не выносливым, иначе он бы не стал гонцом и нарочным цивилизации от Месопотамии до Китая. «Даже если ты верхом на нём объедешь весь мир, то и тогда он не утомится», — говорится в туркменском дестане «Говхер-гыз и Ширали-бег». «Есть средство у породистых коней: тем дальше скачут, тем они сильней», — утверждает старинная народная поговорка.

Миттаниец Кикули, служивший старшим конюшим (одна из высших должностей) при дворе хеттских царей, за основу в своем тренинге взял именно фактор резвости. А позаимствовал он его там, где он уже давно сложился, где, собственно, был разработан и сам тренинг, причем задолго до появления и царства Миттани, и Хеттского царства. Из исторических источников известно, что еще за пять столетий до них лошадь в запряжке могла пройти в один дневной переход 150 километров

Справа: подобно амазонкам парфянская принцесса Родогуна сражалась верхом на коне, защищая Нису.

— рекордный показатель для нашего времени. К слову сказать, обращая внимание на полную идентичность выучки лошадей у хеттов и у поздних туркмен, многие ученые далее констатации этого факта не шли, хотя и отмечали при этом удивительное совпадение в запечатленном на древних рельефах типе одежды хеттских цариц и традиционного праздничного убранства туркменских женщин, сохранившегося до сих пор.

Подобных совпадений наука этнография знает немало и среди них, пожалуй, самое характерное — сложный комплект массивных серебряных украшений к женскому костюму, элементы которого — головные, наплечные, нагрудные, наручные — предполагают их некогда практическое применение у знаменитых амазонок древности, прославившихся своим виртуозным владением конем и умением выпускать стрелы, оборачиваясь на лету.

А туркменский ковер, обнаруженный в захоронении коня в пазырыкских курганах Алтая? А мужская мерлушковая папаха «тельпек», которую, спасаясь от жары, до сих пор носят чабаны в пустыне? Такие же тельпеки ученые разглядели в изображениях наездников, запечатленных на знаменитых Орхоно-енисейских каменных письменах. Лошади под всадниками передают облик ахалтекинских коней: та же лебединая шея и прекрасная голова, те же длинные стройные ноги.

По мнению исследователей, сюда, к берегам Енисея, в 500-х годах до н.э., откочевали, спасаясь от набегов Дария, сакские племена. Как назывались эти племена на самом деле, говорит каменная надпись, расшифрованная много позднее и впервые прочитанная нами в Рухнама: «Беки туркмен огузов, услышьте нас, если небо не задавит нас, если земля не разверзнется, никто не сможет разрушить дом туркменского народа». По преданию, это изречение принадлежит Билге

Ворсовый шерстяной ковер из пятого Пазырыкского кургана (Горный Алтай).

Ахалтекинец из скифского погребения на Алтае. II тыс. до н.э.

хану, великому правителю Гёктуркменского государства, который на своем надгробии велел написать: «Огузский народ — мой родной народ».

Кони, что донесли сюда, в западную Сибирь, своих всадников, конечно же, были резвы и выносливы. Вот как, по описанию, выглядит уже упомянутый нами ахалтекинец, «доскакавший» в начале новой эры до Алтая и обнаруженный в одном из его курганов две тысячи лет спустя. «Благодаря мерзлоте дошла до исследователей и мумия крупного золотисто-рыжего с изящной головой, красивой шеей, стройного, хорошо выезженного коня — на нем не было ни царапины, ни следа нагайки».

А их и не могло быть: не знали туркменские кони плети. Их по-другому учили резвости: терпением и лаской. «С рассветом повидай отца, потом — коня», — гласит туркменская поговорка.

Но вернемся к истории, к тем ее свидетельствам, что донесли до нас великое значение коня и всадника — этого земного кентавра, феномену которого поражались многие очевидцы ушедших эпох. Страбон писал о массагетах: «Они хорошие конные и пешие воины, вооруженные луком, мечами, панцирями, медными топорами; в битвах носят золотые пояса и золотые повязки. Уздечки и наплечники их лошадей тоже украшены золотом».

И все-таки войны, что бушевали на земле, и в которых конь был самым грозным оружием, это, наверное, вторичный признак истории. Первым был, выражаясь современной лексикой, человеческий фактор, определивший движение мира в сторону развития и прогресса. И конь, любовно выпестованный человеком, сыграл здесь самую выдающуюся роль.

Кому как не коню обязано человечество изобретением колеса? Ведь это во время великих походов Огуз хана была придумана телега — для поклажи скарба, не умещавшегося

уже на вьючных животных. Скрипучая телега с двумя большими деревянными колесами издавала при движении характерный звук «канк», за что и была так прозвана. Впоследствии название «канклы» получило племя, из которого вышел изобретатель повозки, а ее название («канклы» — экипаж) до сих пор сохранилось в тюрском языке. Да и сами эти повозки — арбы в недавнем времени встречались в отдаленных селениях Туркменистана, впрочем, наверное, как и в других странах, соприкоснувшихся на заре цивилизации с влиянием великого государства туркмен-огузов.

Навряд ли Огуз хан впрягал в эти повозки породистых коней, это потом, когда туркмены первыми освоят выплавку железа, они впрягут сво-

Глиняная повозка из Алтын-депе. III тысячелетие до н.э.

Военный штандарт-мозаика из шумерского города-государства Ур (около 2500 г. до н.э.).

Серебряная монета. IV век.

их скакунов в железные колесницы, которые станут грозой великого огузтуркменского государства хуннов, а потом и величественной Парфии, где тактика колесничего боя будет развита до невиданного совершенства.

На Ближнем Востоке и в Малой Азии письменные источники и памятники искусства отметят появление лошадей еще в первой половине II тысячелетия до н.э. На весь мир прославит древний месопотамский город Ур одна археологическая находка: штандарт города с изображением четырехколесной повозки.

Из Малой Азии колесницы попадут в Египет. История донесла до нас послание правителя Вавилона знаменитому египетскому фараону Эхтанону: «Я благополучен, да будет благоденствие тебе, твоим женам, твоим друзьям, твоей стране, твоим вельможам, твоим коням, твоим колесницам». Сами колесницы с середины II тысячелетия до н.э., как свидетельствуют источники, представляли собой произведения высокого технического искусства. На древних фресках египетских гробниц даже изображены мастерские по изго-

Древнеегипетская колесница.

товлению колесниц, где каждая деталь выполнялась специальным мастером.

Распространясь по всему передневосточному миру, уже в первых столетиях новой эры колесницы попадут в Китай, где это станет поводом для проведения военной реформы: тяжелая, неповоротливая конница уступит место легкой, стремительной.

Так, «телега Огуз хана» придаст колею и скорость не только истории туркмен, но и всему человечеству. Это засвидетельствует Рухнама: «Две скорости — духовную и физическую — туркмены проложили красной нитью через всю историю и донесли до наших дней».

Царская охота. Базальтовая плита из Сирии. X век до н.э.

Жеребенок из Маргуш

«Наша земля — еще не раскрытая
книга человечества».

Рухнама

Что более всего поражает археологов, воскрешающих в центре Каракумов древнюю цивилизацию Маргуш, или Маргиану, так это могучая интеллектуальная энергия, прочитываемая в сохранившихся следах жизнедеятельности древних маргушцев. Люди, что начали осваивать некогда плодородный массив в старой дельте Мургаба еще 3 тысячелетия до нашей эры, были не только искусными архитекторами, строителями, кузнецами, гончарами и ювелирами, не только знали секреты выплавки металла и бронзы, обработки золота и серебра, — они обладали еще тем нерастраченным на заре цивилизации даром ума и сердца, что проявлял себя в их делах с абсолютной, всеобязательной полнотой. Это были жизнерадостные, миролюбивые люди, поклонявшиеся Солнцу и сообщавшиеся со многими сопредельными странами и народами. Это были гордые люди, не признававшие насилия со стороны, о чем свидетельствует гневное изречение персидского царя Дария I, высеченного в I тысячелетии до н.э. на знаменитой дехистунской скале: «Страна Маргуш стала мятежной...»

То, что осталось сегодня от некогда процветающей Маргианы, — это простершиеся на километры величественные руины столичного городища Гонур-депе, потрясшего археологов своей тонко рассчитанной архитектурой и продуманностью жизненного уклада людей. Тридцать лет не перестает удивляться этому первооткрыватель Маргуш — известный российский археолог Виктор Иванович Сарианиди, страстно влюбленный

Панорама Гонур-депе.

в древность туркменской земли. Все эти годы он бессменно руководит археологическими раскопками, воздвигая в зыбучих каракумских песках памятник пятой цивилизации мира, вставший вровень с великими цивилизациями Месопотамии, Египта, Китая и Индии.

Каждая в своем роде, все эти культуры в разные эпохи сойдутся в едином преклонении перед «конем Востока» и каждая запечатлеет его для истории в своих нетленных памятниках, снабдит своими эпитетами и именами. В Месопотамии появится уже упомянутый трактат о тренинге коней. Египет увековечит их в неповторимых образцах своего искусства. Китай назовет этих коней «потеющими кровью» и в 104 году до н.э. пойдет войной на Среднюю Азию, пытаясь завладеть чудоскакунами. Индия восславит их в бессмертном эпосе «Махабхарата», еще в V веке до н.э. засвиде-

Гонур-депе.
Могила жеребенка.

тельствовав появление на берегах Ганга «лошадей диких, очень быстрых, цвета утренней зари».

Ну а что же Маргуш? Маргуш отзовется лишь в самом конце двадцатого столетия новой эры, неожиданно придя на помощь ученым-иппологам, которые вот уже много лет безуспешно бьются над вопросом, где же впервые была одомашнена лошадь. И поможет им в этом жеребенок из Маргуш, вернее, его останки, найденные археологами весной 2000 года во время раскопок городского некрополя. Вот как напишет об этом в своей книге «Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургат» сам В.И.Сарианиди:

«Когда раскопки подошли к окраине некрополя, совершенно неожиданно для самих археологов среди могил с погребениями древних людей на глубине чуть больше полуметра от современной поверхности была обнаружена могила жеребенка, лежащего в полном анатомическом порядке подобно погребенным рядом людьми на правом боку, в общем северном направлении, с одним, но существенным отличием — без головы. Совершенно очевидно, что голова была преднамеренно отделена от тела жеребенка с какой-то определенной целью. Но с какой?

И тогда археологи вспомнят, что несколько лет назад при раскопках дворца, расположенного рядом с некрополем Гонура, они встретили культовое погребение агнца с богатыми погребальными приношениями. Ягненок был захоронен в полном согласии с местными погребальными обрядами: на правом боку, в северном направлении, сохранив полное анатомическое расположение костей, но, и как вышеупомянутый жеребенок, — без головы. Такое совпадение вряд ли могло быть случайным и, скорее всего, указывало на сложные ритуальные обряды, связанные с культовыми захоронениями животных,

занимавших особое положение в среде местного населения. Тот факт, что в могиле был захоронен именно жеребенок (а не взрослая лошадь), не оставлял никаких сомнений — это было уже домашнее животное, которое родилось здесь, а не попало сюда со стороны».

Здесь, прерывая этот увлекательный рассказ, содержащий далее подлинную сенсацию, сошлемся на утверждение В.И.Сарианиди о том, что до самого последнего времени большинство специалистов было уверено, что одомашнивание дикой лошади произошло на бескрайних просторах Волго-Дона, Урала и Западного Казахстана, где уже чуть ли не в IV тысячелетии до н.э. местные племена, якобы, сумели приручить лошадь. А между тем, доказывает ученый, уже первые археологические работы в Туркменистане сразу после Второй мировой войны привели к обнаружению на поверхности городища Намазга-депе около Каахка терракотовых моделей легких одноосных колесниц, в которые вряд ли впрягали быков или верблюдов (для этого использовались двухосные четырехколесные повозки).

Свыше четвери века назад на поселении Алтын-депе была найдена терракотовая модель конской головы с тщательно подстриженной гривой. Гордая посадка сухой, тщательно моделированной головы этой лошади с торчащими вверх ушами со всей убедительностью доказывала тип элитарной, а не хозяйственной лошади. А поскольку и модели колесниц с Намазга-депе, и голова лошади с Алтын-депе найдены на поверхности этих двух древних поселений, а не из научных раскопок, то принадлежность их к V тысячелетию до н.э. представлялась вполне вероятной, хотя и требовала для науки более веских и прямых доказательств.

Терракотовая модель конской головы из Алтын-депе.

И они были получены. Возвращаясь к обещанной сенсации, продолжаем прерванный рассказ

археолога: «Настоящие сюрпризы ждали нас в 2001 году. Во время весеннего сезона в Гонурдепе среди множества найденных изделий из золота, серебра и бронзы оказались бронзовые рожки — духовые музыкальные инструменты, напоминающие трубу или гобой. Это трубки с широким раструбом, в середине которых обязательно делались скульптурные изображения человеческих лиц, выполненные с большой долей реализма. Раньше нам попадались такие рожки во время раскопок в древней Бактрии (Северный Афганистан), но до сих пор подобного предмета не удавалось встретить в Маргиане. А теперь в наших руках сразу 4 рожка. Но в чем, собственно, их особенность? Дело в том, что во втором тысячелетии до н.э. эти звучные инструменты использовались исключительно для тренинга лошадей».

Важность этой находки, утверждает В.И.Сарианиди, лишний раз свидетельствует о том, что лошадь в Маргиане эпохи бронзы была уже давно одомашнена, причем коней разводили не для тя-

Слева: бронзовый рожок из Гонура.

Керамический рожок из Гонура.

Бронзовое навершие посоха из Гонура.

желой работы. Это благородное животное предназначалось, скорее, для элиты древнего общества. Они служили парадным целям, их дрессировали и обучали выездке и в особых случаях приносили в жертву богам. Как в случае с жеребенком. По всей вероятности, он не дожил до парадного выхода, но звук рожка, наверняка, уже умел отличать, навострять на него свои тонкие уши и перебирать в такт мелодии длинные тонкие ноги. Нашего жеребенка мы еще вспомним.

А пока вернемся к находкам в Маргуш. Следом за рожками в одной из богатых могил гонурского некрополя археологи обнаружили миниатюрную бронзовую скульптуру в виде головы лошади с длинной шеей и большими, как у ахалтекинца глазами. Это совершенно уникальное изделий весом почти килограмм при длине 7 сантиметров являлось, по мнению археологов, навершием деревянного посоха, который, конечно, истлел за тысячи лет пребывания в земле. Само изваяние сильно потрескалось от времени, но отнюдь не утратило рельефности и выразитель-

ных очертаний, с большим искусством переданных древним мастером.

Как утверждает В.И.Сарианиди, на рубеже III — II тысячелетий до н.э. древние племена Туркменистана положили, начало селекции элитарных пород, что, в конечном счете, привело к созданию ахалтекинской родословной.

Вспомним опять Рухнама: «Туркменскому народу столько лет, сколько созданным им творениям. Так что скептик может стереть с лица недоверчивую улыбку...»

Скептикам и в самом деле ничего другого не остается: последние сомнения относительно происхождения ахалтекинца развенчаны. Но не исчерпаны находки, проливающие свет на высочайшую культуру древних маргушцев, на их традиции, дошедшие до самых последних дней. В самом деле, земля туркмен — еще не раскрытая книга человечества...

Человек из Маргианы

«Аллах прекрасен и любит все прекрасное, туркмен должен быть достойным любви Творца».

Заповедь пророка Нуха

История, как известно, говорит фактами. Либо письменными свидетельствами былых времен, либо материальными следами минувших культур. Историческая наука свои предположения выносит, систематизируя накопленные сведения, но отталкиваясь от самых последних.

Жеребенок из Маргуш, конечно же, внесет ясность в споры ученых о родине восточного аргамака, расставит многие точки над «i» в вопросах тренинга коней у древних туркмен, и, что самое главное, подтвердит возраст этого народа.

Однако никакая археологическая находка не бывает последней. Каждая последующая — это очередное эхо истории, приоткрывающее завесу ее тайны. Свидетельство тому — сенсационные находки в Маргуш. К очередной из них мы еще вернемся, а пока сделаем небольшое историческое отступление.

Печать-навершие серебряной булавки из Маргуш.

Самыми разными эпохами, начиная со II тысячелетия до н.э., датируются останки ритуальных захоронений коня, найденные во многих районах его исторического обитания. Тот факт, что почти во всех этих захоронениях обнаруживался тип коня, близкого по эстерьеру к ахалтекинцу, а сам ритуал повторялся в одинаковых элементах, включая отсеченную голову животного и богатство конского убранства, не склонял ученых к выводу о единстве места выведения породистой древневосточной лошади.

Так, обряд захоронения коня без головы предполагал лишь некий культовый смысл, как, к при-

Серебряная печать из Маргуш.

меру, и сложный ритуал погребения все тех же хеттских цариц. Он заключался в том, что останки преданного сожжению тела с костра, погашенного вином и ритуальными напитками, жрицы складывали в сосуд с растительным маслом, чтобы высыпать потом пепел в то место, где были сожжены конские головы.

Доказательством того, чем был обусловлен подобный обряд, наука не располагала за неимением очередного звена в цепи полученных знаний. Ведь если хеттский трактат о тренинге лошадей воспроизводит лишь техническую сторону дела, то ритуал захоронения коней и цариц — культовую. Явно, что здесь не хватает какого-то важного звена или фактора. Ведь если место захоронения царицы освещается пеплом конской головы, принадлежащей породистому и выученному коню, говорит ли это только о том, что он должен сопровождать эту царицу в загробной жизни? Конечно, весь этот обряд — свидетельство необыкновенного почитания коня у древних, его особого культа и поклонения. Но ведь не только конь скорбит о царице, и она скорбит о нем, раз они складывают головы в одном и том же месте. Значит, предполагаемый нами фактор — сугубо человеческий. Это значит, что конь, отданный на заклание, не просто породист и выдрессирован по какой-то системе, он выучен, приручен человеком всем образом его жизни, мышления, мировоззрения, восприятием природы и своего места в ней.

И если жеребенок из Маргуш дал ответ на вопрос, где был впервые обучен элитарный конь, то другие находки этого археологического клондайка помогли разглядеть человека, выпестовавшего и коня, и самого себя, и свою культуру, распространившуюся потом по миру посредством самого этого коня, ставшего знаком могущества при жиз-

Глиняная статуэтка из некрополя Гонур-депе.

ни и символом неба после нее. Чтобы взрастить такого коня, надо, как минимум, вырасти с ним из одной земли, впитать тепло одного солнца и разделить пополам душу. Вспомним опять кентавра. Не на это ли слияние коня и человека указывает мудрый символ античной культуры? И не сама ли она этих корней, берущих начало в древнем царстве красоты и гармонии души и тела?

Прежде чем возвратиться в Маргуш, в это царство красоты, сделаем еще одно отступление, на этот раз — антропологическое.

Наукой установлено, что в древнейшие эпохи (8-10 тысяч лет тому назад) все люди, жившие на Земле, имели очень похожую форму головы — длинную и узкую. Так было и на территории Туркменистана. Все антропологические данные, имевшиеся до настоящего времени, свидетельствовали, что короткие и широкие головы имело население, жившее в значительно более поздние периоды времени — не ранее 2,5 — 2 тысяч лет назад. Туркмены до сих пор отличаются от народов других центральноазиатских государств тем, что среди них значительно чаще встречаются длинные и узкие головы.

Много было научных споров на тему, искусственно ли туркмены удлиняли голову или им это свойственно от природы. Дискуссия подогревалась традицией туркмен почти до последнего времени накладывать на голову младенцам вскоре после рождения специальную повязку, которая способствует росту головы не в ширину, а в длину. Куском ткани, размещенным сначала под затылком, а потом на темени, голова бинтовалась и повязка не снималась довольно длительное время. Накладывание такой повязки может изменить форму головы только у самого этого человека, но не у его потомков. В чем же истоки этой традиции?

Ответ на этот вопрос тоже дала Маргушская археологическая экспедиция, в ходе раскопок которой найдены и костные останки более чем 700 древних обитателей Маргуш. Антропологические исследования показали, что большинство маргушцев были длинноголовыми, но некоторые из них (всего 9 мужчин и 10 женщин из почти 200 изученных) имели более короткие головы. И здесь опять, как в случае с жеребенком, археологов и участвующих в экспедиции антропологов, ждал подлинный сюрприз: при раскопках помещений около дворца Гонура весной 2003 года были обнаружены детские костные останки, свидетельствующие о том, что традиция бинтовать голову в районе темени и затылка была распространена уже в те далекие времена. Не у одного, а по меньшей мере у трех «индивидуумов» в возрасте двух-двух с половиной лет под затылком были отмечены ярко выраженные типичные следы от повязки и образовавшаяся специфическая форма затылка. Повязка, скорее всего, снималась в возрасте полутора-двух лет, когда мать переставала кормить ребенка грудным молоком, и тогда с годами за-

На раскопках Гонур-депе.

тылок принимал более естественную форму, сохраняя однако, большую, чем была бы без бинтования, длину головы, что было обнаружено на костных останках ребенка возраста 6 лет.

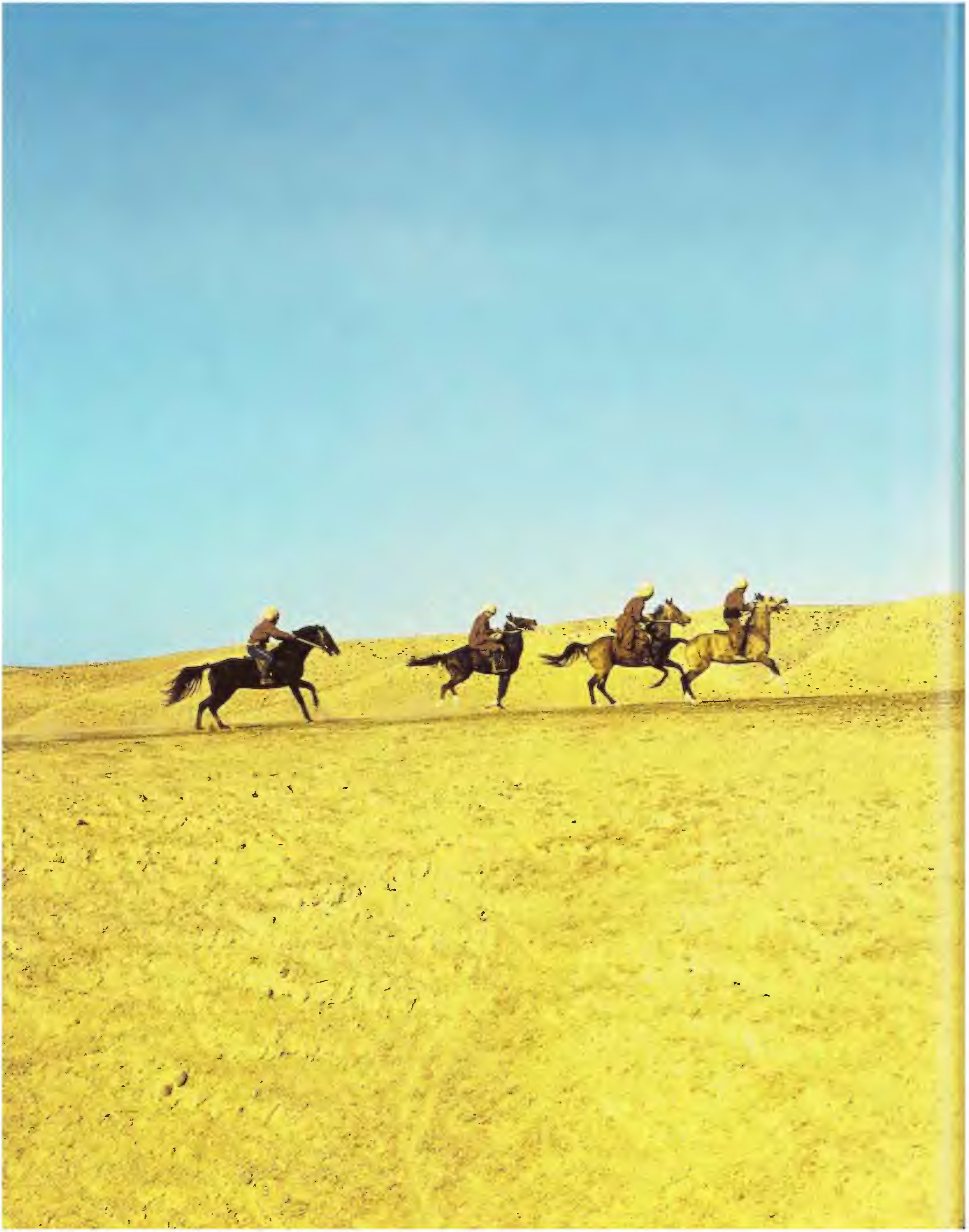
Все эти сведения привела по нашей просьбе ведущий российский антрополог Надежда Дубова. На ее взгляд, не желая отличаться от сплеменников, маргушцы, чьи головы были коротки, стали накладывать своим новорожденным детям специальные повязки.

А вот что писал по этому поводу знаменитый Гиппократ, реформатор античной медицины: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг Миотиды и отличающийся от других народов. Название его савроматы. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально причиной измененной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происходящему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы».

Очевидно, что это уникальный случай не только в мировой антропологии, но и во всей человеческой культуре. И свидетельствует он не только о развитом чувстве эстетики и красоты у древних туркмен, но и об их поразительной способности, начиная с себя, проносить через века и передавать в тысячелетия присущий только им способ самоутверждения на земле, способ, основанный на необыкновенном, сочетании таланта и трудолюбия, зашифрованного на генетическом уровне.

Сохраняясь сами и сохраняя своих главных спутников жизни, туркмены преодолевали преграды времени, которое оказалось бессильно перед изобретательностью, врожденным чувством красоты и собственного достоинства этого древнейшего в мире народа.

Глава II

ПОД СОЛНЦЕМ ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

Кто научил коня благородству?

«Эта земля и этот народ связаны
неразрывными нитями.
Как тело и душа, они
неотделимы друг от друга».

Рухнама

...Умирал старый сейис. Не в силах разомкнуть веки, он мысленно прощался с жизнью, которая теплилась в нем слабеющими всполохами памяти. Вдруг он увидел себя молодым, гарцующим на коне, который все порывался взлететь в небо. Но что-то удерживало скакуна на земле, и тогда, собрав последние силы, сейис приподнялся и, в последнем порыве памяти пришпорив коня, устремимся с ним в невесомом полете в свою новую, неземную обитель... Сейис уже не слышал, как, издав догоняющее его в небесах ржание, рванулся к нему конь и тут же рухнул

замертво, не выдержав тяжести свалившегося на него горя...

А это уже современная легенда-быль. Их много — берущих за живое, волнующих и трогательных свидетельств необыкновенной дружбы коня и человека, их взаимной любви и привязанности.

Особым драматизмом пронизаны истории, относящиеся к недалекому и бесславному периоду попрания национальных святынь, когда ахалтекинец принял на себя самый мощный удар бездушной системы.

...Туркмены никогда не пристреливали старых коней, а тут состарился не кто-нибудь, а знаменитый Бойноу — родоначальник выдающейся племенной линии ахалтекинцев. И вот кто-то из местного начальства приказал коня застрелить и составить об этом акт. Бойноу привязали к арче и зарядили ружье, приготовившись стрелять. Но вдруг из хмуро молчавшей толпы метнулся к дереву человек и заслонил коня собой. Разорвав ворот рубахи, он крикнул:

— Лучше меня убейте, не коня!

А конь стоял за спиной своего защитника и, чувствуя, что собирались с ним сделать, был печален, как человек, а глаза полны слез...

Незадачливые исполнители приказа, стыдливо опустив плечи, убрались прочь, а Мухаммед Кулхан — так звали спасителя Бойноу, отвел исполненного благодарности коня к себе домой. Конь еще много лет прожил у него и умер своей смертью...

А эту историю рассказал один художник. Как истинный туркмен, он боготворил коней и, когда ахалтекинцы пошли на мясо (было и такое!), выкрал с мясокомбината племенного жеребца, несколько суток скрываясь с ним в пустыне. Днем, когда не было спасения от зноя, конь сво-

им крупом заслонял друга от палящих лучей солнца. Как-то художник крепко заснул, а когда открыл глаза, то увидел, как медленно, неслышно, поднимая одно за другим копыта, конь бережно высвобождал из-под них затекшие ноги своего спасителя, стараясь не потревожить его сон...

В ночь страшного ашхабадского землетрясения 1948 года, когда в пучину стихии низверглись небо и земля, оставшиеся в живых кони спасали своих хозяев, вытаскивая их зубами из-под обломков рухнувших зданий. Как тут не вспомнить поговорку: «Добрый конь из воды вытащит, из огня вынесет»...

А сколько самых подлинных историй «человеческого» поведения коня хранит народная память, воскрешающая незабываемые страницы освободительной борьбы туркмен. Познавшие на своем веку немало блистательных побед, они нередко оказывались в самых драматичных ситуа-

циях, отстаивая в неравных схватках честь и свободу своей земли.

И всегда на выручку приходил конь, проявляя не только свои вековые способности резвого, как ветер, скакуна, но и особое благородство характера, что вместе составляло сущность ахалтекинца как редкостного носителя «голубой крови» среди себе подобных.

Стойкость этой крови, ее способность воспроизводиться в тысячелетней селекции и побеждать в любом скрещивании и есть главное достоинство этой породы, обеспечившей ей на земле почти физическое бессмертие. Невольно закрадывается в сердце мысль: кровь кровью, но откуда она взялась, кто запустил ее по жилам этого, пусть самого быстроногого и грациозного создания природы? Ведь, как мы уже знаем, и «жеребенок из Маргуш» тому свидетель: породистый, «музыкальный» конь, которого хоронили с поистине царскими почестями, составлял гордость этой земли еще пять тысяч лет тому назад. Значит, надо «крутить» историю назад, к тем доступным нам свидетельствам прошлого, что воскрешают еще более древние культуры, процветавшие здесь, на родине ахалтекинца.

А родина эта — Ахал, что узкой плодородной полосой растянулась вдоль отрогов Копетдага. Защищенные от холодных зимних ветров долины, невысыхающие летом травы горных лугов, повсеместные водопои из родников и речек — все это составляло неотъемлемую часть ланшафта Кесеаркача (прежнее название Ахала). Ахал же впервые упоминается в источниках лишь в 1805 году и связывается с приходом сюда текинцев.

Испокон веков богатая пастбищами и водными источниками земля Ахала стала колыбелью самой ранней в Центральной Азии культуры древних земледельцев. Этой культуре, как минимум,

Просторы Ахала.

8 тысяч лет. Ее следы здесь можно встретить повсюду: в пустыне и предгорьях, вдоль русел пересохших рек и в пещерах. Следы человеческой деятельности сохранились в виде орудий труда, предметов быта и настоящих произведений искусства из камня и кости, керамики и металла, включая бронзу, серебро и золото. Далекие предки туркмен напоминают о себе своей архитектурой — от глиняных домов, святилищ и некогда неприступных крепостей до роскошных дворцов и храмов. Конечно, уцелело до наших дней совсем немногое из того, что некогда составляло славу местных городов. Но задолго до появления крупных человеческих поселений здесь уже сложились очаги первобытного хозяйства, изучение которых позволило археологам заключить, что нынешний Ахал служил северо-восточной границей некогда единого переднеазиатского мира, который простирался отсюда до берегов Средиземного моря.

Джейтун — вот первое, пожалуй, звено в бесконечно длинной цепи сменявших друг друга населенных мест. Теперь это едва заметный курган на самом краю песков, в 28 километрах к северо-западу от Ашхабада. А где-то на рубеже VII-VI тысячелетий до н.э. здесь стоял один из многих поселков ранних земледельцев и скотоводов. Но именно Джейтуну вследствие его хорошей изученности в XX веке довелось стать эталонным памятником своей эпохи и прочно войти в науку понятием «джейтунская культура». Уже тогда научились здесь люди выращивать пшеницу, разводили коз и овец, а собаки стали их верными спутниками на охоте, охраняли стада и жилища. Климат тогда был намного мягче, а подгорная полоса значительно шире. Постепенно картина менялась, с севера наступала пустыня и жизненное пространство смещалось ближе к Копетдагу.

Следующее звено в этой цепи — Анау. Рядом с современным поселком, который стал теперь административным центром Ахалского велаята, сохранились два холма, чей возраст составляет 7 тысяч лет. Раскопки здесь еще в 1904 году начала американская экспедиция Рафаэля Пампелли, которая и обнаружила злаковые останки знаменитой белой пшеницы ак бугдай — первого свидетельства селекционного таланта древних туркмен.

Период существования анауской культуры приходится на V — начало III тысячелетия до н.э. В основном это был принципиально более

Именная каменная печать-амулет из Анау. 5 тысячелетие до н.э.

высокий уровень развития общества. Появилось прикладное искусство, о чем свидетельствуют многочисленные глиняные сосуды с орнаментальной росписью, украшения в виде бус из различных пород камня, в том числе бирюзы и сердолика, нередко составляющие целые ожерелья. Наконец, именно в Анау в 2000 году удалось обнаружить каменную печать, вызвавшую особое волнение археологов, ведь засечки на ней так напоминают письменные знаки!

Спустя тысячи лет именно эта земля стала называться Парфией, а ее знаменитые кони — парфянскими. Но где же их прародители, где на сей раз теряются их следы?

Приведем одно научное высказывание: «Нет никаких оснований сомневаться в том, что дикие формы лошадей в районах Средней Азии должны были отличаться от степных. Тревожная жизнь, полная неожиданностей, но протекавшая в теплом климате и в благоприятных кормовых условиях, стимулировала эволюцию этой лошади в направлении исключительной быстроаллюрности и подвижности, обострения органов чувств, легкой возбудимости и в силу этого высокого совершенства нервной системы. Эти ценные качества впоследствии были сохранены и развиты человеком. Успеху совершенствования лошадей в значительной мере способствовало их кормление не только травами и сеном, но и зерном, что было возможно благодаря развитию в тех местах земледелия».

Итак, все сходится. Есть и люди, и корма, и климат, и ландшафт — все то, что необходимо для приручения дикой лошади. Но ведь ее эволюция, как нам уже известно, проходила пять миллионов лет. Мы же имеем отрезок в 3-4 тысячи лет — от Джейтуна до Маргуш. Если предположить, что это — заключительный этап эволюции лошади,

то получается, что именно он сформировал высокую организацию ее нервной системы. Однако, как утверждает та же наука, при воздействии ландшафта на организм лишь развертываются скрытые признаки, новообразования же генов не происходит. По этой теории естественный отбор и ландшафт распределяют формы по лику земли, но не создают эти формы.

Одним из ликов земли, куда, по «распределению природы» попала древняя туркменская лошадь, стал благодатный Ахалский оазис, а скрытые потенции, что несла она в себе, выявил древ-

ний туркменский народ, воспитавший в ней все те качества, включая искомое нами благородство, которые и сделали эту лошадь конем, и не просто конем, а ахалтекинцем.

Сегодня, спустя тысячелетия, он, это непревзойденное чудо природы, здесь, на своей родине, обретет новое, второе дыхание. Совершив по дорогам истории своеобразный круг почета, разделив со своим народом все испытания судьбы и даже оказавшись на грани полного исчезновения, ахалтекинец навсегда вернется сюда, в лоно родной природы. Здесь, в Ахале, откуда началась его жизнь, он найдет невиданный приют родной земли, приют, который создадут новая эпоха, а с нею великий сын этой земли и ее великий покровитель. Кто из великих мира сего написал строки, подобные этим:

«Пространствовав по свету, ты встретишь горы во много раз красивее здешних. Поросшие густыми лесами, они, словно райские кущи, поражают взор. Но не поймут они ни языка твоего, не разделят с тобой печали твоей. Ни в одной другой стране ты не найдешь пустыни, которая мгновенно вытянет из себя любую боль, не услышишь дождя, сливающегося со звуками туркменской мелодии... Построив свыше семидесяти государств и султанатов, пространствовав по миру, туркмены вновь и вновь возвращались на эту землю, не в силах расстаться с красотой ее гор и долин, таинственной прелестью пустыни».

Величайший патриот своей земли, Сапармурат Туркменбаши сделает все, что в его силах, чтобы вернуть этой земле былое величие и славу. Великое возрождение переживет и ахалтекинец. Где, в какой другой земле, у какого другого народа мог он появиться — гордое, величественное и благородное создание природы?

Селекционеры от природы

«Покупаешь коня — хорошенько осмотри его круп,
Выбираешь коня — бери поджарого,
с втянутым животом».

Из эпоса «Гёроглы»

Имея представление о том, в какую седую древность уходят корни туркмен, невольно задумываешься: а кто же научил их самих так чутко понимать природу, отзываться на ее богатство богатством своей души, образуя органическое, поистине феноменальное слияние человека и окружающего его мира? «Трудно найти в общечеловеческом этносе, — пишет в Рухнама Сапармурат Туркменбаши, — более глубинную привязанность к корням и соли своей земли, более доверчивую преданность ее природе, более щедрый душевный отзыв на ее красоту и многоцветение».

Рухнама, собственно, и дает ответ на поставленный нами вопрос. Ответ полный, развернутый, поражающий удивительным проникновением в сущность того, что составляет несгибаемый стержень нации. Ответ этот сквозным мотивом проходит через всю книгу, помогая понять, осмыслить природу народного духа, целиком и полностью замешанного на природе родной земли. И если, согласно Рухнама, жизнелюбие и основательность туркмен — от их способности душой воспринимать окружающее жизненное пространство, сливаться с ним в мудрой и активной жизнедеятельности, то истоки самих этих качеств — во «вдохновении и цельности — двух неотъемлемых чертах, которыми наделил туркмен Великий Аллах».

В самих этих словах — не только исчерпывающая, поражающая своей глубиной емкая и лако-

ничная характеристика целого народа, но и великое таинство постижения гармонии мира, к чему практически вплотную подошел автор Рухнама. Он не смог бы этого достичь, не будь плоть от плоти своего народа — и не просто туркменом, а туркменом-предводителем, туркменом-сердаром, расшифровавшим духовный код нации, ниспосланный ей Всевышним.

Ахалтекинец — самый яркий, поразительный пример, которым туркмены продемонстрировали свою причастность к божественному разумению, здесь, на земле, являемому ничем иным как целесообразностью — основным свойством живого. Отсюда у туркмен и вера в единого Бога, которая в мусульманстве нашла и духовное подтверждение, и практическое обоснование, и которая сама обогатила ислам. Записано же в Коране: «Земные блага находятся между глазами лошади». Кстати, практическая сторона ислама повлияла на традицию захоронения с конем: туркмены перестали следовать ей, сберегая таким образом чрезвычайно ценное и дорогостоящее животное.

Туркмены — селекционеры от природы в том смысле, что стали ими, идя от нее самой, в ней черпая и вдохновение, и разумение, и целесообразность. Да, своего скакуна они создали сами, но это не значит, что они вторглись в область природы, не дождавшись, как говорится, милости от нее.

С интуицией и практичностью, идущими от Бога и от их щедрой земли, они дети природы, стали и ее академиками, усвоив принцип эволюции не как случайный, а как целесообразный отбор, производимый в недрах самой природы. Им, конечно, неведомо было ни само понятие «эволюция», ни, тем более, «наследственность», не говоря уже о «генотипе». Ведь это мы сегодня знаем, что любой живой организм есть устойчивая система, в которой стремление к изменчиво-

сти сдерживается в известных пределах наследственности. Новое же появляется путем отбора производителей, обладающих способностью к проявлению нужного признака.

Древняя туркменская лошадь и была тем подарком природы, который туркмены восприняли как ее готовый материал, приспособленный к окружающей среде. Отсюда и светло-золотистая масть, и прочное сочетание длинных линий — тонких ног, длинной шеи, тела, и легкое, свободное дыхание — признак силы и энергии, и грациозные, свободные движения, позволяющие лошади как бы скользить по песчаному грунту на ходу меняя аллюры. Ведь фактически древний тренинг Киккули, как и полностью совпадающий с ним тренинг ахалтекинцев, — это система приемов на закрепление быстроты смены аллюров — от шага и рыси до галопа, что и составляло в многокилометровых переходах

главное условие резвости и выносливости лошадей. Значит, еще в глубокой древности была доведена до совершенства эта система, предусматривающая многодневный цикл тренинга, перемежающийся нагрузками и отдыхом, усиленным кормлением и голоданием, «потнением» и «подсушиванием» лошадей, которые в результате такой тренировки достигали не только необходимой физической формы, но и развивали врожденную резвость и выносливость в заданных человеком пределах. А они, эти пределы, были высоки — ведь конь готовился для многодневных военных походов и должен был уметь все: без устали нести на себе всадника и его тяжелое снаряжение, сутками обходиться без еды и питья, вступая в бой, сражаться наравне с человеком, маневрируя на поле боя с невероятной, ус-

**Соколиная охота.
Сельджукское глазурованное расписное блюдо.
Конец XII-начало XIII вв.**

трашающей быстротой и с еще большей прытью скрываться от противника.

С древних времен искусные охотники, туркмены и своих коней приучили к охоте. Конная облава позволяла пополнить запасы всего племени или армии перед выступлением в военный поход. При этом никогда животных не убивали сверх меры. Участники облавы, зная приблизительные потребности племени, брали заранее оговоренное количество добычи, а остальных загнанных животных выпускали из плотного кольца на волю. У средневековых туркмен охота носила военно-воспитательный и учебный характер. Юноши, оказавшись на охоте, получали шанс отличиться, показать свое мастерство в стрельбе из лука, метании копья, проявить личную доблесть и отвагу в единоборстве с сильным зверем.

В облавных охотах использовалась и знаменитая туркменская борзая (тазы), которая была приучена сидеть на крупе коня позади хозяина.

Туркмены соблюдали четкие породные линии тазы, знали особые секреты поддержания борзой в хорошей охотничьей форме. Осенью, накануне охоты, их уже одевали в попонки из войлочной ткани или кошмы, которые снимали перед самой травлей.

Особой популярностью пользовалась охота с ловчими птицами. Приручение и обучение их требовали большого мастерства. Профессионалы-сокольники могли за 10 — 15 дней после отлова подготовить дикую птицу к охоте. В основном приручали три вида хищных птиц: беркута, сокола и ястреба. В первые дни пернатым одевали на голову специальные колпачки или осторожно сшивали конскими волосами веки глаз. Когда ловчая птица начинала спокойно реагировать на голос и прикосновение хозяина, уверенно сидеть

Туркменская гончая тазы.

на руке, не бояться окружающих шумов, нить разрезали, высвобождая веки. Хорошо обученная хищная птица очень высоко ценилась во всей Азии.

Рассказывая об исключительном таланте туркмен жить в ладу со своей природой, Сапармурат Туркменбаши приводит в Рухнама многие характерные примеры, связанные, в том числе, и с конем.

«...В дни войны туркменские джигиты надевали, как сказали бы теперь, камуфляжную форму — бежевые чекмени и бежевые папахи, стреножили буланых коней. Экипированный таким образом, воин-кавалерист сливался с окружающей природой, становясь невидимым. Вот какое свидетельство о военных приемах туркменских джигитов оставили очевидцы: «Они появляются неожиданно, словно возникают из-под земли, а когда необходимо, также незаметно исчезают, словно проваливаются сквозь землю».

«...Побывавшие в нашей стране путешественники пишут о том, что туркмены круглый год тренируют своих коней и сами тренируются в течение года. За три-четыре дня до начала похода или битвы туркмен резко сокращает свой рацион, садится на растопленный белый бараний жир. Таким образом он быстро сбрасывает лишний вес, подтягивается».

«...Для коня у туркмена всегда наготове логала — соленые шарики из теста, замешанного на курдючном жире. Собираясь на войну, воин скармливает своему коню пару таких колобков. Если боевые действия затягиваются, если приходится наступать или бежать от врага, джигит, наклонившись на скаку, закидывает в рот коню несколько логала, и тот может жевать их несмотря на узду. После такой «трапезы» конь даже при отсутствии воды два-три дня не теряет боевого настроя».

Битараплык, сын Талкана и Ылгын.

Есть такая шутка у ученых-селекционеров: первое условие для разведения новой разновидности — это иметь ее готовой. Шутка шуткой, но больше «смахивает» на истину, подтверждаемую и тем фактом, что все выдающиеся верховые породы мира, включая арабскую и английскую, произошли от ахалтекинца. В свое время было много споров и на эту тему, считалось, в частности, что скаковую лошадь английские зоотехники «скроили» сами. Да, они создали новые типы, но уже из имевшегося ранее прекрасного материала, каковым и был ахалтекинец. Правда, долгое время бытовало мнение, что этим материалом служила арабская лошадь, более того, считалось, что сам ахалтекинец произошел от нее. Впоследствии это мнение было развенчано учеными-ипологами, которые отрицали саму возможность того, чтобы от «маленького, сбитого, округлых форм, с небольшой головой араба мог произойти высокий, костистый, горбоносый текинец». Именно ахалтекинец, утверждал академик В.О.Витт, нес в себе «последние капли той драгоценной крови, при помощи которой было создано все культурное коннозаводство мира».

Новые породы не создаются человеком, только природа производит новое, а вот облагорожение — это уже дело человека. Так утверждал выдающийся российский биолог Л.С.Берг. Исходя из этого, можно, наверное, поверив допустить, что если человек и сам благороден, значит, результат его воспитания удваивается. Раз в целесообразном отборе действует разумная воля человека, значит, она и обеспечивает созидательную сторону этого отбора. Какова воля, таков и отбор, вместе представляющие умение селекционера из форм, уже находящихся в природе, найти, выделить то, что можно лишь усовершенствовать.

К примеру, длинную, лебединую шею ахалтекинца туркмены исстари развивают, упражняют тем, что заставляют его тянуться за кормом, помещаемом в специально вырытом в земле углублении. Уже с малолетства жеребят начинали упражнять в быстром беге с грузом на спине. В сочетании с ограниченным количеством корма это формировало грудную клетку сдавленной с боков, с глубоким, но плоским ребром. Такая форма груди увеличивала боевые способности коня, ведь ею он мог теснить врага, поражать его мощным ударом спереди. Удар сзади наносился копытами, о которых в свое время великий итальянский путешественник Марко Поло изумленно писал, что они «столь тверды, что не нуждаются в ковке». Так вот, естественный оборонительный прыжок лошади (по-научному «каприоль»), когда перед самой его кульминацией она брыкает задними ногами, туркмены тоже приспособили к военным целям, научив коня «брыкаться» своими мощными копытами лишь на поле боя. Известно, например, что ахалтекинец никогда не лягнет, не обидит ребенка, не говоря о человеке, который ухаживает за ним день и ночь.

Туркмены — селекционеры от природы потому, что, веками занимаясь планомерным улучшением породы своих лошадей, скрещивают только нужное, из приплода выбирают только полезное. Всегда — и в наши дни, и тысячелетия назад.

Ахалтекинец в том виде, в каком он запечатлен на древних фресках, конечно же, — продукт именно такой селекции. Из трех типов лошадей, в большом количестве произведенных ландшафтом туркменской земли, путем разумного отбора и был получен конь «голубых кровей», приспособленный под нужды того, кто намеревался основательно, со знанием дела осваивать жизненное пространство. В те далекие времена нужда была в боевом коне — его и «вылепили» туркмены, и не только «вылепили» — вдохнули в него душу, довершив гармонию природного ландшафта, которое, по словам академика Берга, «есть сообщество высшего порядка, включающее наряду с человеком все производные органического и неорганического миров, и в котором нельзя изменить одной части, чтобы не изменилось все остальное».

Это научное заключение — хорошая иллюстрация к тому понятию целостности, на котором Сапармурат Туркменбаши базирует свою философскую концепцию, подразумевающую невозможность изменить в духовно-материальном состоянии туркменской нации одной части, чтобы не изменилось все остальное.

Именно в этом смысле природа и дух туркмен сливаются в едином и неделимом целом. «Постоянство истории туркмен, историческую красоту их жизни, — пишет автор Рухнама, — я вижу прежде всего в том, что наш народ строит свою жизнь не в противовес, не вопреки природе, а в гармонии с ней. Природа туркмен — первый и основной ключ к пониманию их духовного мира».

Всю жизнь — на коне

«Знает чинар, кто сажает его,
Знает скакун, кто седлает его».
Туркменская пословица

Если попросить туркменского сейиса рассказать о том, как тренируют туркмены коней, он надолго задумается, потом посмотрит на вас вопросительно, словно уточняя, что вы имеете в виду. Конкретно. Это в музее экскурсовод подробно, обстоятельно «распишет» каждый экспонат, сопроводив свой рассказ глубоким экскурсом в историю. Сейису, который с детства на коне и для которого жизнь не имеет другого смысла, кроме служения коню, трудно отойти на расстояние опосредованного рассказа. Он охотнее поведает о самом коне, о необыкновенных способностях ахалтекинца, вспомнит случаи, вошедшие в народную память легендами-памятниками тому или иному скакуну, прославившему дело жизни туркмен и его, сейиса, дело тоже.

Ну, а что до самого дела — любить, скажет, надо коня, кормить правильно, ночью выводить гулять — чтобы легкие дышали росной свежестью, ну и скакать на нем, скакать столько, сколько требуют его могучее тело, длинные мышцы, быстрые ноги и вольная душа. Для любого сейиса конь — это почти человек. Помимо веками усвоенных правил содержания и тренировки коня, сейис, он же тренер, он же конюх и он же наездник, наделен тем даром общения со своим питомцем, который только ему, сейису, подсказывает, в чем нуждается или не нуждается конь, как подбодрить его перед скачками — добрым ли словом, верящим ли взглядом...

Сейисы знают сотни рецептов избавления коня от того или иного недуга, но никогда не выдадут

их как в аптеке — не засекречивая, нет, — просто «холостой» рецепт не сработает: коня надо не просто видеть перед собой, его надо чувствовать, взять его боль на себя. И если даже перед скачками заболел конь-соперник, сейис, рискуя проиграть, непременно придет ему на помощь, зная, что этому коню поможет единственное, только ему ведомое средство. Таков закон, повелевающий ставить коня выше самого себя, выше своих страстей и эмоций.

Понятно, почему среди народов Центральной и Средней Азии туркмены — единственные, кто

никогда не употреблял конину в пищу. Для них это даже звучит кощунственно.

На подворье у каждого туркмена был конь, и если рождался жеребенок, то эта весть широко разносилась по всем окрестностям, как весть о рождении ребенка. И кличек у коней не было — только имена. Соответственно, и потомство именовалось как дети — сын, дочь, внук, правнук...

Умелые ювелиры, туркмены всегда наряжали своих коней, изготавливая для них специальный комплект серебряных уздечек — «алагайыш». Эта традиция повелась еще с древности, когда кони-воины заковывались в кольчугу, состоящую из сотен тончайших серебряных пластинок-чешуек. Изготавливали эту амуницию зергеры из Мерва, где исконно процветало ювелирное ремесло. Оттуда выходили и комплекты для «амазонок», а впоследствии и украшения для женщин, не потерявшие своего значения по сегодняшний день.

Туркмен-всадник оставался мужчиной. И в том смысле, что себя не украшал. Ведь, как говорил Огуз хан, «мужчина не солнце, чтобы повсюду показываться людям». Единственная роскошь, которую мог позволить себе джигит, — это скромное серебряное украшение на рукояти кинжала, который он постоянно носил за широким кушаком. Любопытное свидетельство подобного аскетизма оставил венгерский путешественник А.Вамбери, побывавший в Туркменистане в начале XIX века: «Главное орудие туркмен, это, бесспорно, его лошадь, за то сын пустыни и любит ее больше своей жены, больше детей, больше самого себя. Интересно видеть, с какой заботливостью он ухаживает за лошадью, как он ее одевает, чтоб защитить от мороза или зноя, с какой роскошью убирает свое седло, сам в лохмотьях на разукрашенном коне своем он представляет престранное зрелище. Но действительно великолепны турк-

Воины эпохи Горкут-ата. Реконструкция по наскальному изображению.

Конское ювелирное снаряжение «ат шаи», «гёвузбент», «алагайыш», «келлелик» и «гамчи».
XIX в. Серебро, позолота, сердолик, кожа, гравировка, штамп.

Конская сбруя «кумуш тока» (деталь).
Начало XX в. Серебро, позолота, сердолик, гравировка.

менские лошади и стоят такой заботливости: все, что рассказывается о быстроте их и об их выносливости, нисколько не преувеличено».

Поражаясь этому «престранному» контрасту, знаменитый путешественник может быть, и не подозревая об этом, выразил суть самого образа жизни туркмен, на который не влияли внешние обстоятельства. Ни бедность, ни богатство, ни расцвет, ни упадок, ни годы, ни столетия не меняли в этом образе жизни главного — отношения к са-

Конское налобное украшение «гозлук».
Начало XX в. Серебро, сердолик, кожа, штамп.

мой жизни, к тем ее природным первоистокам, которые слились в прочном сплаве труда, вдохновения и жизненной необходимости.

Приспосабливаясь к историческим обстоятельствам, туркмены вели и кочевой, и оседлый образ жизни, выдвигали могущественные государства и уходили в безлюдную пустыню, завоевывали страны и лишались владычества, однако все это не меняло внутреннего распорядка жизни, подчиненного незыблемым законам их

духа. Воспитанные природой своей земли, в этом воспитании они усвоили главный урок: максимальную приспособленность к тем условиям, в которых надо было и жить, и выживать, и наслаждаться жизнью. Туркмен соединил все это с гениальной простотой и простодушной мудростью. Сын пустыни, он создал для себя универсальную модель мира, которая обладала равновеликой способностью быть и оставаться полноценной во всех формах социума — от могущественного государства до раздробленного кочевья, от дворца царя до кибитки чабана.

Богатство как таковое не могло играть здесь, на этой земле, той роли, которая отводилась ему в других географических широтах, где жизненные блага были доступнее, а духовные — дешевле.

Главным мерилом богатства был для туркмена конь, который, собственно, и заложил начало универсальности жизни, универсальности, где материальное и духовое слились в нерасторжимом единстве.

Возможно, и первый ковер, который соткала туркменка, рожден благодаря коню. Ведь шерстяная попона, которой он укрывался, носила наряду с защитной тренировочную функцию — для поддержания сухости и изящества форм. Чтобы конь хорошо вспотел, требовалась плотная чистошерстяная накидка — ее и стали производить из тонкорунной шерсти сараджинской овцы — еще одного древнего селекционного продукта туркменской земли. Может быть, именно тогда и зародился знаменитый туркменский ковер, который наряду с конем на века определил образ жизни народа. Одинаково полезные и одинаково прекрасные, эти два создания природы и человеческих рук определили и мировоззрение, и поведение, и привычки, и физическую форму тур-

**Текинский ковер.
Конец XIX века.**

кмена-джигита и его верной спутницы — жены-«амазонки». В минуту такая семья могла подняться с места — и быстроногий скакун уносил ее далеко от опасности, туда, где достаточно было расстелить ковер, чтобы жизнь продолжалась...

Ни одна женщина в мире так грациозно не приседает и не встает с ковра, как это до сих пор делает туркменка. Когда-то с такой же легкостью и грацией она могла оседлать коня, энергично и

умело изготовить для него попону-чепрак, украсив ее и необыкновенной красоты рисунком, и изящными кисточками — непременным атрибутом этого конского одеяния. Ковер с пазырыкских курганов Алтая, о котором мы уже упоминали, украшен изображением именно такого чепрака с кисточками!

Диву даешься, проникая в эту безбрежную историю любви — любви коня и человека, породившую целый мир благородства и красоты!..

Кто- то из древних заметил: они сидят на спине лошади больше, чем на поверхности земли. А это свидетельство оставил современник парфян: «Во всякое время они ездят верхом: на войне, в гостях, на конях они вершат государственные и частные дела, на них они путешествуют, встречаются, торгуют, совещаются».

«Всякий сын Аллаха — с малых лет на лошади», — удивлялись русские путешественники уже в XIX веке.

А эту характеристику мы найдем в Рухнама: «Как не быть отважным джигиту, который с малолетства не слезает с коня, наравне со взрослым владеет оружием и боевыми навыками, читает книги, слушает дестаны, чтит Родину как величайшую святыню!»

Оттачивая, шлифуя природные свойства своего скакуна, сделав его равноправным членом семьи и воином-собратом, в коне туркмены обрели столь необходимое нации скрепляющее звено в ее раздробленном социально-родовом устройстве. Поклоняясь коню всей силой своего единого духовного склада, видя в нем средство воссоздания единого жизненного уклада, они с помощью «небесного аргамака» развили в себе такие стойкие качества, как мужество, бесстрашие и патриотизм, которые овеяли их историю славой великодушного, гордого и непобедимого народа.

Овеянные славой

«Перед туркменом на коне никто не устоит».
Рухнама

Среди множества притч и легенд, придающих Рухнама особый колорит народного духа, есть и такая.

«...Крепнущее могущество Тогрул бека и Чагры бека вызывает беспокойство туркменского султана Махмута Газневи, правителя Запада и Востока, покорившего Индию. Чтобы получше узнать о делах туркмен-сельджуков, Махмут Газневи приглашает в гости одного из сельджукских ханов. К султану направляется Ысраил хан с десятью тысячью всадниками. Познав об этом, султан посылает гонца с сообщением, что не нуждается в помощи, что его жест продиктован лишь гостеприимством. Ысраил является с тремястами всадниками. Султан по достоинству встречает его.

— Сколько же воинов вы сможете выставить, если нам в самом деле потребуется помощь? — спрашивает он у гостя. Ысраил достает из колчака одну стрелу.

— Направьте эту стрелу, и из Балкана прибудет тридцать тысяч воинов!

— А если понадобится больше?

— Тогда отправьте эту стрелу, и прибудет еще десять тысяч вооруженных всадников.

— Если же нам понадобится очень большое войско?

— Выпустите эту стрелу в Балканские горы, и прибудет сто тысяч воинов!

— Но если еще больше?

— Отправьте это в Туркменистан, и получите хоть пятьсот тысяч воинов! — Ысраил подал совсем другую стрелу».

Вслед за притчей следует авторский комментарий: «...Мое сердце разрывается от волнения. Сердар только одного туркменского племени в состоянии выставить полумиллионное войско. Каким же огромным должен быть народ, владеющий такой армией!..»

Добавим от себя: не просто армией, но армией, достигшей, по тем временам, совершенства военной выучки и дисциплины. Армией, самым грозным орудием которой был боевой туркменский конь.

Он уже многое повидал на своем веку, принеся не одну победу своему народу. Получивший боевое крещение в походах Великого Огуз хана,

Образец туркменской школы миниатюрной живописи XIV в.

он победоносно вошел в историю всех последующих туркменских государств, выступавших под знаменами прародителя нации, — от великого Туркменогузского государства хунов до Газневидского государства туркмен. Наступала эпоха Великой империи сельджуков — ренессанса туркменской истории, начало которому положила одна из самых знаменитых битв в этой истории — Данданаканское сражение 1040 года. Формально считается, что туркмены пошли на туркмен, проявив тем самым жестокость по отношению к собственному народу. Но вот что пишет по этому поводу Сапармурат Туркменбаши: «Это поверхностный, субъективный взгляд, далекий от понимания сущности характера туркменского народа. По своей натуре туркмены миролюбивы, справедливы и великодушны. Они многое прощают, но если у власти оказывается бездумный и жестокий царь или султан, они охладевают к нему. Но не отрекаются, терпят тиранию до последнего. Когда же их терпению приходит конец, седлают коней. А перед туркменом на коне уже никто не устоит!»

Итак, конь-воин, конь-рыцарь, конь-победитель... При раскопках Новой Нисы — резиден-

Миниатюра туркменской школы живописи при дворе Акгоюнлы (приблизительно 1480 г.). Библиотека Музея Топкапы.

Арсак I, живший в III веке до н.э., был первым парфянским царем.

ции парфянских царей — среди найденных фигурок лошадей оказался и конь рыцаря в легкой броне и со шлемом, на котором имелись клыки и ребристый выступ меж глаз и над лбом. Первые рыцари мира, как и само рыцарство, зародилось здесь, в Парфии, и уже потом распространилось по миру, унаследовав наряду с «железным» обликом коня и всадника принципы самоотверженности и благородства, на которых, собственно, базировалось само понятие рыцарства и рыцарских добродетелей.

А первым рыцарем был основатель Парфянского царства Арсак I. Туркмен по происхождению, он возглавил восстание местных племен против греко-македонского владычества в Средней Азии и, освободив предгорные районы Копетдага от греческих наместников, здесь, в области под названием Парфиена, и заложил ядро будущей державы. Античный автор сообщал: «Память его парфяне чтили так, что с тех пор все парфянские цари нарекались именем Арсака». Скорее, это было не имя, а прозвище, этимология которого берет начало в древнетуркменском слове «ар», «эр» («мужчина», «мужественный»).

В Рухнама имя «божественного Арсака» займет свое достойное место наряду с именами легендарных туркменских полководцев Мухаммета Тогрул бека, Давута Чагры батыра, Алп Арслана, Малика ша, Солтана Санджара. Это они прославят великую империю Сельджуков, которая спустя тысячу лет после Парфии станет второй по значению мировой державой Востока, созданной туркменами, и в которой, как и в Парфии, расцветут искусства, знания, воинская наука.

«Начиная со времен Огуз хана и до средних веков, — говорится в Рухнама, — туркменская земля была средоточием науки, центром образо-

Царская охота. Средневековая восточная миниатюра.

вания и воспитания. Цари и ханы Индии, Китая, Византии отправляли сюда своих детей для получения образования и освоения военного искусства. Воспитанная туркменскими атабегами молодежь отличалась образованностью, физическим здоровьем, предводительским даром».

Совершенствуясь из века в век, военная наука туркмен рождала не только великих полководцев, но и безымянных героев, тех героев, о которых в древних хрониках говорилось, что «они бушуют как буря и молния и не знают уступчивого боевого порядка».

В этой «неуступчивости» и заключалась основная тактика конного боя, которую туркмены, изобретя жесткое седло и стремена, применяли как в древние, так и в поздние времена. Еще Огуз хан, читаем в Рухнама, в своем завещании потомкам наставлял: «Отправляясь со своим войском в поход, знатные беки-полководцы храбростью и отвагой прославляют свои имена. Взывая к Всевышнему, уповая на его милость, они просят добра и побед. Им следует помнить, что, приближаясь к неприятелю, надо быть смиренным подобно новорожденному теленку, но, воюя, следует уподобляться готовому к охоте голодному соколу».

Китайский источник (209 г.до н.э.) не без изумления сообщал о военной технике хуннов: «Они искусно заманивают врага для того, чтобы окружить его. Поэтому, когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются, подобно облакам».

Плутарх писал о парфянах: «Парфянин, приученный с одинаковой легкостью наскакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами». Очевидцы той эпохи свидетель-

ствовали, что парфяне всегда, во всех своих операциях стремились охватить противника полукольцом и, рассыпаясь, издали осыпали его стрелами. «Часто создавалось впечатление, что парфяне не знают ни строя, ни дисциплины. Однако всадники легкой конницы в совершенстве владели рассыпным строем, искусно (измотав противника до предела) заманивали его в засаду и, моментально свернув свои подразделения, открывали место для выступления тяжелой конницы. Легковооруженные всадники иногда соскакивали с коней (как и туркмены в XIX веке) и бились врукопашную. Деморализовав противника, парфяне собирались в единый кулак, вводилась тяжелая конница. Проходила и психологическая обработка врага. Громкий рев литавр действовал удручающе. Вдобавок, все как по команде сбрасывали красные плащи (может быть, доны?) и представали в ослепительных блестящих латах».

Именно эту тактику использовали парфяне в знаменитой битве при Каррах (53 г. до н.э.), когда парфянская конница наголову разбила 90-тысячную римскую армию Марка Красса, жестоко подавившего до этого восстание Спартака.

Туркменская конница слыла лучшей в мире во все периоды туркменской истории, а туркменские кони приносили славу всем туркменским государствам и государям. Так, завоевав благодаря им пол-мира, сельджукские государи старались не ссориться со своими воинами, которые не любили подчиняться кому бы то ни было. Именно в эпоху сельджуков облетело мир это крылатое выражение: «Конь — вот сверхоружие номадов, клавшее к их ногам целые страны».

При первых Сельджукидах, свидетельствуют исторические источники, войско туркмен составляли родо-племенные ополчения. Каждое племя

Прославленный сельджукский султан Санджар Туркмен у ворот Мерва.

выставляло один тюмен (10 тысяч) всадников. Племя же кынык, из которого вышли Сельджукиды, должно было выставлять четыре тюмена, то есть 40 тысяч человек. Во время правления Алп Арслана (1063-1072 гг.) и Мяликшаха (1072-1092 гг.) произошла реорганизация армии. Было создано сложное по структуре войско, которое состояло из: аскар — основное конное войско, куда входила и султанская гвардия хавасс, вспомогательное конное войско — джунд, к которому присоединялись отряды вассалов и членов правящей династии, пехота — мушат. Не потеряло свое значение и боевое ополчение туркмен. В военном мастерстве оно ни в чем не уступало постоянной армии. Туркменские всадники широко использовали тяжелое вооружение и боевые панцири.

По всей Передней Азии гремела слава туркменского правителя Сирии Нур ад-Дина из динас-

тии Зенгидов. Его не раз звали на помощь туркменские правители отдельных княжеств и городов. Активно выступал Нур ад-Дин против крестовых походов. Когда в 1148 году франки (с которыми он часто сталкивался в сражениях) обратились к нему с просьбой прислать им для борьбы с германскими рыцарями отряд, он выделил лучших воинов.

Туркменские правители успешно противостояли походам рыцарей. Например, во время третьего Крестового похода лишь благодаря стремительной атаке туркменских всадников войска Ричарда I Английского отступили от Иерусалима.

Когда же над миром нависла туча орд Чингисхана, туркмен и здесь «пронес» историю на своем коне, не покорившись завоевателю и не дав ему пройти дальше в Египет. Монгольские варвары как огня страшились летучих конных отрядов туркмен, всячески стараясь привлечь их на свою сторону. Подлинный ужас наводило на них одно лишь имя туркменского царевича Джелал-ад-дина, который, возглавляя конницу, изматывал врагов до предела, умудряясь всякий раз уходить от опасности. Однажды, спасаясь, он вместе с конем прыгнул с высокого обрыва в реку и, переплыв ее, уже на другом берегу погрозил врагу своим мечом и скрылся. По преданию, пораженный Чингисхан воскликнул: «Вот таким у отца должен быть сын!»

Султан Джелал ад-дин.

Бесстрашию, самоотверженности туркменского воина-джигита в Рухнама посвящены целые страницы. Вот лишь одна из них: «После нашествия Чингисхана каждый туркменский род и каждое племя обосновывались в определенном месте, громя налетчиков. Если враг имел численное преимущество, на помощь призывали живущих по соседству. Бои длились неделю, самое

большое — месяц. Война сразу же выявляла бесстрашных и трусов. Если ты струсил, то как собираешься жить в своем ауле, смотреть в глаза родителям, односельчанам, любимой девушке?.. Если ты попробуешь убежать в соседний аул, он тоже не примет тебя, потому что и там вначале выяснят: не вор ли ты, не пролил ли чью-то кровь, не струсил ли в бою?.. И так в любом селе! Так что от позора никуда не убежишь. А если и умрешь, тебя по-человечески и не похоронят! Вот почему туркмены в дни битвы обо всем на свете забывают. Трусость, измена для них равносильны предательству памяти предков. Именно поэтому туркменские парни проявляли в бою безоглядное бесстрашие, не боялись смерти — они попросту не думали о ней, за что их и называли безглазыми батырами».

Воссоздавая глубокий психологический портрет своего народа, портрет, помогающий выявить истинную суть туркмена, природу его чести, мужества и бесстрашия, Сапармурат Туркменбаши решительно опровергает расхожее мнение, сложившееся о туркменах в XIX веке как о «разбойниках с большой дороги», варварах, басмачах и пр. Войны, говорит он, были обычным делом на свободолюбивой туркменской земле, и защищали ее туркмены так, как подсказывал им голос предков и вековая выучка джигита.

Она не изменяла туркмену никогда — ни в дни побед, ни в дни поражений, ни на своей, ни на чужой земле, куда его звали на помощь, на подмогу, или где он оказывался по причинам, от него не зависящим. Именно по этим причинам оказалась туркменская конница на фронтах Первой мировой войны. Славу, что гремела о туркменских джигитах, запечатлела военная хроника тех лет.

«...В громадных папахах и халатах, стройные, смуглые, на стройных, нервных и сухих лоша-

дях, они всюду производят фурор и обращают на себя всеобщее внимание. Они держатся в неравном строю, действуют как «друзья», как соратники, равноправные, равносильные, признающие только свои заповедные конные и сабельные приемы. Когда садятся на коней, то забирают красивыми движениями под себя полы халатов и резким криком передового дают знать о движении. Не признают рыси — только галоп и карьер или мелкий шаг, ровный, в котором сидят как вкопанные в конские спины — ровно, стройно, красиво, заставляя всякого собой любоваться. Угадав противника, эти удивительные всадники, силу которых впервые почувствовали в Текинском и Мервском оазисах, пошли на его пехоту конным строем с таким изумительным бесстрашием, на которое только способны эти истинные поэты-воины»...

«...Кони распластались и идут, как вихрь, злые и сильные. Пригнулись всадники, и их черные, блестящие глаза зорко смотрят вперед, туда, где желанный рукопашный бой. А там виднеются лишь окопы, окаймленные ленточкой огня. Через несколько секунд степные скакуны донесли всадников до врага. Над окопами взвились черные кони и всадники с кривыми саблями. Три линии окопов, тысячи пехоты, пулеметный ружейный огонь. На всю эту силу обрушился полк степных богатырей в огромных бараньих папахах. Войска, видевшие лихой налет текинских джигитов, в восторге кричали «ура» и не могли оторваться от этой блестящей, захватывающей боевой картины. Армия неприятеля была совершенно разгромлена — в этом не было сомнения. Текинцев, много содействовавших этому важному делу, носили на руках. А джигиты скромно молчат, как всегда, и вечером только тихими голосами передают друг другу отдельные эпизоды

Гёроглы.

боя и показывают, как несли их верные друзья — кони. Там, на родине, они расскажут об этой войне и к истории их древних как клычи, родов, прибавят новые, славные страницы».

В этих военных репортажах, проникнутых чувством неподдельного восхищения мужеством «поэтов-воинов», не сказано лишь об одном — о тех потерях, что понес туркменский народ в этой мировой бойне. Зато есть намек на силу, которую «впервые почувствовали в Текинском и Мервском оазисах». Кто почувствовал? Ответ на этот вопрос содержится здесь же, в этих хрониках: «А ведь мы можем опять выбросить на театр этой мировой войны еще по крайней мере 250 000 всадников «первой в свете кавалерии», как называл их М.Д.Скобелев».

Что ж, не ошибался царский генерал, прочувствовав всю силу «первой в свете кавалерии» в Текинском и Мервском оазисах. Ведь это здесь в конце девятнадцатого века туркмены дали последние в своей истории сражения за свою землю и свою свободу. Мужество и героизм, которые они проявили при этом, потрясли и самих врагов, а крепость Геок-Тепе, сорок дней державшая героическую оборону и павшая лишь под натиском царских пушек, вошла в историю освободительной борьбы туркмен еще одной немеркнущей страницей народной доблести и славы.

И, как всегда, в этой истории конь оставался ее живым символом, олицетворявшем не только доблесть народа, но и всю его судьбу.

«В эпосе «Гёроглы» визирь Балыбега говорит своему султану: «Мой султан, если вы хотите покорить туркмен, сделать их своими рабами, усвойте истину: в первую очередь их надо спустить с коней».

И враг в конце концов усвоил это. В конце XIX веке туркмен спустили с их резвых коней...»

Какая горькая мудрость заключена и в этой притче, и в этих словах-откровениях великой книги...

Пройдет без малого сто лет, прежде чем туркмены обретут свободу и независимость. За эти годы много испытаний выпадает и на долю самого народа, и на долю его верного спутника — коня. Но они выживут и обретут невиданную доселе славу, которую добудут не в боях, а в мудрости, труде и благородстве.

Конь-воин уйдет в историю. Но он войдет в нее не только победителем, не знающем поражений, он войдет в нее олицетворением еще одного неотъемлемого достоинства туркменского народа: объединяться, сплачиваться в годину испытаний! Как в бою не знающие единого строя кони умели молниеносно сложить свою силу в один кулак, так и народ, разделенный на племена, мог мгновенно встать под одни знамена, на которых сиял немеркнущий девиз Огуз хана: «Умел отличить добро от зла, потому и достиг своей цели».

Сегодня этот девиз прародителя нации воплощен в деяниях великого туркменского сердара современности, чье имя по праву встало в одном ряду с именами национальных героев всех времен и столетий. Не прервалась овеянная славой минувших эпох пятитысячелетняя история народа, не прервалась и потому тоже, что народ, создавший бессмертного скакуна, и сам бессмертен! Как бессмертна Рухнама и эти строки из нее: «Если у истоков туркменской истории стоит оседлавший крылатого коня Огуз хан в кольчуге из чистого золота, то сегодня ее венчают славные потомки Огузов с зеленым стягом в руках! Это они открыли золотые ворота в свой золотой век. Это им предстоит заново восславить свой род, извлечь из-под пыли веков великие ценности предков, вдохнуть в них новую жизнь».

Глава III

ПОСЛАНЕЦ МИРА, СИМВОЛ НОВОЙ ЭПОХИ

«Прыжок» длиною в сто лет…

«Свои подошвы в кровь сотрет
тот, кто коня не бережет»

Туркменская пословица

«До самых тридцатых годов туркмены передвигались на конях и с оружием в руках. Это было не только способом жизни, это было данью традиции». Эти слова из Рухнама, воскрешая одну из самых горестных страниц туркменской истории, заставляют сжиматься сердце: вот он, последний эпизод из героической эпопеи народа, начавшейся пять тысяч лет тому назад. Вот оно, последнее свидетельство нерасторжимого единства коня и всадника — единства, уготованного туркменскому народу и его судьбой, и судьбами мира. Мировая история, правда, явит еще один эпизод, в котором боевому туркменскому коню будет отведена его исконная роль, и он вновь не посрамит себя на полях сражений. Посрамят себя другие — те, кто пошлет генофонд породы на верную, неминуемую гибель.

Шла великая война, и она требовала великих жертв, но не таких — бессмысленных и жестоких. Кони против танков — это было вызовом и здравому смыслу, и самой душе народа, относившегося к коню как к святыне. На алтарь победы над фашизмом этот народ сложит жизни сотен тысяч соотечественников, принесет на него всю свою вековую храбрость и мужество и выйдет победителем — наряду со всеми народами, одолевшими «чуму» XX века. Но рана, что нанесется ему этой войной, будет погорше: ведь коня, как известно, туркмен любит больше себя, больше своей жизни. А между тем две мировые войны, вклю-

Фото конца XIX века.

чая гражданскую, истребят великое число прекрасных скакунов, чем нанесут и урон великой породе, и увечье великой народной душе. Впрочем, удары, что «посыпятся» на эту душу, будут не сравнимы ни с какими потрясениями предыдущих эпох, поскольку придутся на самое ранимое, самое святое — тысячелетний дух нации.

Как напишет в Рухнама Сапармурат Туркменбаши, «жестокость советской истории по отношению к туркменскому народу, жестокость, почти никем не замеченная, состоит в том, что туркмены чуть было не превратились в бесплодную нацию, не способную производить ценности». И это народ, создавший шедевры, подобные «небесному аргамаку»!

Когда в 70-80-е годы туркменский скакун окажется на грани полного исчезновения, «ушлые»

Президент России В.Путин во время осмотра ахалтекинских скакунов.

западные люди будут укорять систему, говоря о том, что ахалтекинцы — это общечеловеческое богатство, и даже предлагая скупить с молотка на корню конезавод «Комсомол» со всем поверхностным слоем земли, как «фактором существования ахалтекинца».

В этом будет своя сермяжная правда: «приватизировав» национальные ценности, даже если они перешли в разряд мировых, нельзя рассчитывать на их практическое воспроизводство, что и было доказано на примере многострадального Ашхабадского конезавода. Сначала он недополучал корма, потом был отключен от источников воды, а потом и вовсе захирел — до такой степени, что стал сдавать племенных жеребцов на мясокомбинат.

Однако, как бы ни были благи порывы радетелей нашего ахалтекинца, им, озабоченным материальной стороной дела, навряд ли бы удалось

возродить породу, даже если бы они и «прикупили» впридачу Каракумы. Но уж больно заманчиво выглядел «товар», если за одного победителя скачки на приз Триумфальной арки в 1986 году в Париже за ахалтекинца Дансинга Брейва отдали на аукционе 50 миллионов долларов!

В том-то и дело, что туркмены никогда не торговали своими скакунами, дарили — да, и это был знак высочайшего уважения к тому, кому конь предназначался. Кстати, эта традиция обрела свое новое значение в годы независимости: конь как символ страны, знак ее национального возрождения подарен главам целого ряда государств, с кем Туркменистан наладил прочное, взаимовыгодное сотрудничество. Но никогда — и это был неписанный закон всех времен — туркмены не расставались с элитными жеребцами-производителями, в которых текла «голубая кровь» породы. Они готовы были умереть, но не поступиться этим вековым законом предков.

Тем не менее молох системы, переламывающий народную душу, набирал свои обороты. Трудно сказать, что больше нанесло вреда исконному коневодству туркмен — повальный, бесконтрольный вывоз ахалтекинцев за пределы Туркменистана, который практически не прекращался целое столетие, или удар, нанесенный в сердцевину народной селекции — ту самую способность производить ценности, о чем с горечью повествует Рухнама...

Надо, впрочем, отметить, что и колониальные власти России, и позже советская власть предпринимали некоторые усилия по развитию коневодства. Создавались случные конюшни, заводились племенные книги, устраивались даже беспрецедентные конные переходы Ашхабад — Москва, которые носили, скорее, пропагандистский характер. И кони, и джигиты демонстрировали и

Горкут Ата, легендарный предок туркмен.

вековую выучку, и вековую выносливость, но в те годы, если это и ценилось, то с точки зрения верности другим, обезличенным ценностям.

Коней хороших, породистых, конечно, хотелось иметь, в том числе и для престижа, но одновременно хотелось, чтобы они на дух не напоминали о «басмачестве», не возрождали в народе свободолюбивый дух. Да, да, именно под этим предлогом одно время запрещалось держать коней в личном пользовании на крестьянском подворье. Даже существовало специальное постановление на этот счет. Их много было — тайных и явных, злобных и сумасбродных, нелепых и изощренных «документов» по борьбе с пережитками прошлого, но все они били в цель, «в яблочко» — в гордую, свободную и независимую душу туркмена. Конь, как часть этой души, страдал, естественно, тоже. И не только страдал — год за годом покидал землю, на которой родился, которую отвоевывал в исторических схватках.

Схватка, в которую он вступил в последний раз, оказалась для него почти смертельной. Во всяком случае, как с тревогой писали ученые-иппологи в начале 80-х годов, когда у всех ахалтекинцев производящего состава были сделаны анализы крови, выяснилось, что число чистопородных скакунов составляло всего несколько десятков. Несколько десятков «небесных аргамаков«, хранящих в себе генофонд всех культурных конных пород мира!

«На трудных путях не умеющему ездить на туркменском коне негодному джигиту лучше на коня не садиться», — наставлял своих сородичей великий мудрец Горкут ата, ставший выразителем целой духовной эпохи туркмен, эпохи, открывшей народу, как говорится в Рухнама, новые моральные ценности, в первую очередь, понимание ответственности за свои поступки. Именно эпо-

ха Горкут ата предвосхитила ренессанс туркменской истории — ее третий духовный период, когда туркмены не просто завоевывали мир, создавая великие государства, но приносили в этот мир знания, культуру, цивилизованное общение с другими народами.

Деление истории на ее духовные периоды — это не просто новый взгляд на исторический процесс, это величайшее научно-историческое открытие в постижении многовековой судьбы туркменского народа, открытие, позволившее выявить в этой судьбе ту глубокую духовную преемственность, которая скрепила историю нации, не дала этой нации сгинуть с лика земли в самый тяжелый и затяжной четвертый период, включивший в себя и последнее столетие XX века, столетие, отлучившее туркмен от их исконного призвания великих творцов родной земли.

«Но затмение духа проходит, как проходит всякая болезнь, — пишет Сапармурат Туркменбаши. — К тому же в судьбе туркменской нации обнаруживается удивительная закономерность, записанная на ее роду Всевышним: в начале каждого тысячелетия дух туркмен, пережив новое возрождение, поднимается выше. Так случилось и в начале третьего тысячелетия: Аллах послал туркменам новое историческое вдохновение. 27 октября 1991 года — дата провозглашения пятой, золотой эры духовной истории туркмен. Эта эпоха — эпоха зрелости туркменского духа. Символ этого духа — быстроногий скакун. Это он домчал до нас из глубины веков мольбу и завещание предков, это он, по праву заняв свое место на национальном Гербе, воплотил собою устремленность туркменского духа к совершенству, гармонии и красоте».

Совершив «прыжок» длиною в сто лет, великий скакун истории поставил самый беспрецеден-

Справа: монумент Независимости в Ашхабаде.

тный мировой «рекорд«, став символом новой духовной эпохи народа и олицетворением Государственного герба независимого нейтрального Туркменистана.

Отныне именно ахалтекинцу в восьмиграннике Огуз хана наряду с ковровыми гелями и оливковой ветвью на Государственном флаге пристало быть «лицом» государства, символом его миролюбивой, созидательной, опирающейся на дух предков политики. Но главным достижением независимости, записано в Рухнама, стали «сплоченность и единение нации, всех ее двадцати четырех корней и ветвей, берущих начало в родословной Огуз хана».

Возвратясь на круги своя, история туркмен устремится дальше, а дух народа — выше, и эту «новую культурно-историческую скорость» будет олицетворять гордый, благородный, бессмертный ахалтекинец...

Джигит, оседлавший время

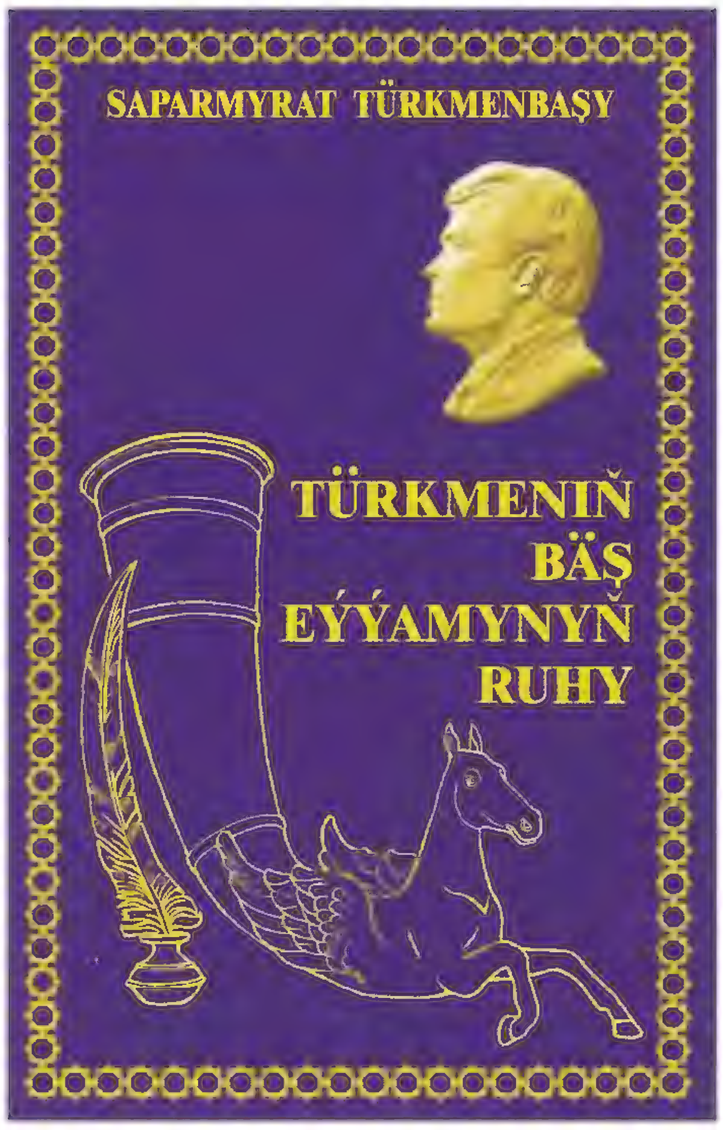
«Нужен сильный, нужен смелый, нужен мудрый джигит, чтобы возглавить попавших в рабство туркмен. Нужен еще один Гёроглы!»

Рухнама

Рассуждая в Рухнама об ответственности, возложенной на него как на главу государства, Сапармурат Туркменбаши замечает, что в иное время, будь оно качественно другим, он бы, возможно, сосредоточился только на государственных делах, на политике. «Но мы живем в эпоху, — говорит лидер нации, — когда произошла смена тысячелетий, в эпоху, ознаменованную грандиозными историческими преобразованиями. Это возлагает на плечи руководителя гораздо большую ответственность, чем в обычное время. Нашему народу, с учетом всех перипетий его истории, недостаточно только государственных программ развития на пять или на десять лет. Наш нынешний исторический момент требует не только государство-образующей, но и национально-образующей деятельности».

В этом смысле вся деятельность главы нового туркменского государства являет собой пример беззаветного служения своему народу, любовь и преданность которому он сочетает с твердостью стратега, тонкостью дипломата и мудростью отца-наставника. Но есть у Туркменбаши еще один талант, точнее, божий дар, который он тоже принес на алтарь служения нации.

Туркменский народ — народ-поэт. В том смысле, что наделен поэтическим мировосприятием. Если туркмен сам не пишет стихи, то знает их наизусть великое множество и цитирует при каждом подходящем случае. Махтумкули, например, для

Обложка книги стихов Сапармурата Туркменбаши.

каждого туркмена — не просто поэт, а жизненный спутник, неотъемлемая часть души. Строками из Махтумкули он поверяет свою жизнь, поступки, отношение к людям.

Наверняка, в другое время, Туркменбаши и не извлек бы из-под груды дел свой поэтический дар, но горячим и ответственным сердцем туркменского сердара он прочувствовал необходимость обращаться к сердцу народа и на близком ему языке поэзии. Собственно, этим поэтическим вдохновением рождена и сама Рухнама — книга-поэма, книга-песнь, книга-мольба, призывающая туркмен поверить в свои силы, в свою историю, в свое великое предназначение на земле.

Конь в этой духовной перекличке, находясь в ряду всех национальных святынь, занимает особое место. Ведь именно конь-пегас — символ поэтического вдохновения изображен на сборнике стихов Туркменбаши, ставших поэтическим воззванием к единству и сплоченности нации.

В Рухнама есть стихотворение, посвященное Джигалибеку — стремянному (сейису) знаменитого коня Гёроглы Гырата. Написав эти искренние строки-заклинания еще в молодые годы, будущий лидер нации уже тогда, по примеру Гёроглы, горел желанием, оседлав резвого скакуна, защитить туркмен, прийти им на помощь.

Провидение не обмануло будущего сердара-поэта, чье сердце уже тогда разрывалось от любви и сострадания к своему народу. Он стал его защитником, приняв эстафету и у Гёроглы, и у всех других доблестных мужей туркменской земли, в ком, как правило, полководческий талант сочетался с поэтическим складом души.

Юношеское пророчество сбылось: Джигалибек натренировал коня, на котором «полководец мира» и «воин добра» буквально ворвется в современную мировую историю, чтобы с муже-

ством, отвагой и хладнокровием туркменского джигита восстановить честь и достоинство родного народа, отстоять для него право созидать свою мирную жизнь в соответствии со складом своей души, характера, с учетом многовековых ценностей, унаследованных у предков.

Нетрудно представить, какое хозяйство досталось Сапармурату Ниязову, какой затвердевший духовный массив! Но шаг за шагом, памятуя о главном — о своем народе, он возвращал ему то, что, казалось, навечно, кануло в лету...

Так было и с ахалтекинцами. Не сразу конь-воин возродился в новом качестве — посланца мира и символа новой эпохи. Этому предшествовало возрождение скакуна в буквальном, физическом смысле. Возрождение, которое никогда бы не состоялось, не приди к власти руководитель, наделенный еще одним даром — видением перспективы. Возглавив Туркменистан за шесть лет

до независимости, он решительно положил конец вопиющему варварству, запретив забой лошадей на мясо, продажу и вывоз их за пределы Туркменистана. Вскоре последовало решение о строительстве в Ашхабаде ипподрома. Впервые за много лет ахалтекинцам были созданы условия для скачек — непременного условия поддержания их в нужной физической и спортивной форме. На ипподром, по тем временам вполне впечатляющий, потянулись люди — и молодежь, и старики; и всякий истый туркмен, не представляющий себе жизни без скачек, без этого захва-

тывающего участия в соревновании коней, стал постепенно отходить, оттаивать душой. До него уже не доходили душераздирающие вести об истреблении народных любимцев — он видел их здесь, на ипподроме, резвыми, бодрыми, легко преодолевающими километровые спринты.

А поскольку сердце руководителя билось в унисон с народным, он, будучи уже Президентом суверенного Туркменистана, в ноябре 1990 года принимает решение об образовании Государственного республиканского объединения «Туркмен атлары«, на которое возлагает всю ответ-

Янардаг.

ственность за наведение порядка в племенном деле, за сохранность и дальнейшее развитие ахалтекинской породы.

21 октября 1991 года провозглашается полная независимость Туркменского государства. И буквально через день, 23 октября, Президент С.А. Ниязов подписывает Постановление, в соответствии с которым все существующие в Туркменистане коннезаводческие предприятия, включая конезавод «Комсомол«, передаются в ведение «Туркмен атлары«. На него, помимо руководства селекционно-племенной работой, возлагается «обеспечение надлежащего содержания и соблю-

дения технологий выращивания поголовья лошадей в специализированных коневодческих фермах колхозов и совхозов«.

25 апреля 1992 года становится не просто очередной датой в возрождении ахалтекинца — она входит в жизнь народа великим, волнующим событием. Именно в этот день Указом Сапармурата Туркменбаши учреждается новый национальный праздник — День туркменского скакуна. Отныне он ежегодно будет отмечаться в последнее воскресенье апреля.

27 ноября 2000 года принимается закон «О внесении изменений в Закон Туркменистана «О государственном гербе Туркменистана» от 19 февраля 1992 года«. Текст нового Закона гласит: … Статью 2 изложить в следующей редакции: … В малом круге изображен Янардаг — ахалтекинский конь первого и пожизненного Президента независимого нейтрального Туркменистана Сапармурата Туркменбаши, гордость туркмен, олицетворение классического образца уникальной ахалтекинской породы«.

Так в Гербе страны, в который первоначально был внесен символический облик коня, попадает изображение живого, реального ахалтекинца по имени Янардаг — мирового чемпиона породы, непревзойденного по типу и экстерьеру скакуна.

Сегодня он — жемчужина Президентской конюшни, ставшей коневодческим хозяйством с элитным ядром чистокровных ахалтекинских коней. В этом — основная ценность и практическое предназначение конюшни. А сам факт ее появления связан с глубоко укоренившейся в народе и уже упомянутой нами традиции дарения коня. Этим поступком туркмен-коневод не только выражал безграничное чувство уважения и любви к человеку, которому он передавал своего

воспитанника, но дарил частицу души, самое драгоценное, что было у него в жизни.

В новейшей истории Туркменистана этот обычай стал символом безмерного уважения народа к своему лидеру, чьи заслуги перед ахалтекинским коневодством поистине безмерны. Конечно, не каждый коневод имел возможность подарить лидеру нации высококлассную лошадь, но те, кто это сделал, хорошо понимали, что отдают своих любимцев не просто в частную конюшню, а практически делают коня народным достоянием. Президентская конюшня сегодня берет на себя функцию не только аккумулятора лучшего поголовья, но и репродуктора будущих производителей, маточных гнезд. В хозяйстве уже рождаются лошади, которым трудно будет составить конкуренцию на спортивных соревнованиях.

Ахалтекинский конный комплекс имени Сапармурата Туркменбаши построен в 2003 году в южном пригороде Ашхабада.

Впрочем, соревнования на то и соревнования, чтобы выявлять сильнейших. Не исключено, что ими могут стать и питомцы только что отстроенного по инициативе Сапармурата Туркменбаши Ахалтекинского конного комплекса Президента Туркменистана. Это крупнейший в Центральноазиатском регионе коннозаводческий центр, которому позавидовали бы многие страны мира. Общая площадь комплекса, расположившегося в живописной долине у подножия Копетдага, составляет около 56 гектаров. На этой огромной территории разместились новый ипподром с тремя беговыми дорожками с травяным и песчаным покрытием (дистанции — 2000, 1800 и 1600 метров) и зрительскими трибунами на 5 тысяч посадочных мест, арена для выставки-выводки лучших представителей породы, специальная прогулочная площадка, ряд подсобных помещений. Специальный корпус отведен жокей-клубу, объединившему под своей крышей прекрасно оборудованные учебные классы и тренажерный зал.

Особые условия созданы для самих питомцев грандиозного комплекса. Отметим, что еще до начала строительства был досконально изучен опыт сооружения подобных конезаводов в Англии, Турции и ряде арабских стран, где коневодство поставлено на широкую ногу. Опыт зарубежных профессионалов был взят на вооружение с поправкой на местные климатические условия. Для ахалтекинцев сооружен даже огромный бассейн с автоматическим сливом-наливом воды. А в шести просторных конюшнях, где одновременно могут содержаться свыше 300 коней, предусмотрена специальная система вентиляции и защита от вездесущих насекомых.

Главной гордостью комплекса является единственная на сегодняшний день в регионе иммунно-генетическая лаборатория, оснащенная супер-

современным оборудованием. Здесь можно провести даже ДНК-анализ по методу геномной дактилоскопии, исключающей всякую возможность фальсификации происхождения скакуна. В специальной ветеринарной лаборатории созданы все условия для лечения скакунов, к «услугам» которых — операционный и смотровой зал, уникальное рентгеновское оборудование и УЗИ.

Но и это еще не все. Отныне знатоки и ценители уникальной породы смогут не только любоваться красотой и резвостью ахалтекинцев, но и играть на тотализаторе, впервые вводимом в Туркменистане для наиболее азартных любителей скачек. Как и на всех крупных международных ипподромах, здесь также предусмотрен фотофиниш, безошибочно фиксирующий результаты пробега. Наконец, сюда можно придти просто отдохнуть, приобщиться к красоте природы Ахала — того самого предгорного оазиса туркменской земли, откуда вышел лучший в мире скакун.

Он опять вернулся сюда, в лоно родной природы, подтвердив удивительную закономерность туркменской истории возвращаться на круги своя, к истокам и родникам народной души. Как неотъемлемая часть этой истории, ахалтекинец возродился вместе с народом, и это возрождение возглавил, осуществил и обратил в горизонты золотого века тот, кто появился на земле своих предков в единственно нужный час. Эта земля терпеливо ждала его, ждала до тех пор, пока слышала стук копыт своих скакунов. Но пробил грозный час, когда затих этот стук, и священная земля взбунтовалась, призвав на помощь Небеса, где и состоялось таинство рождения нового джигита туркменской истории — джигита, оседлавшего время.

Легенда о Гарлаваче

«Не буду звать тебя конем,
буду звать тебя братом,
ты мне лучше брата«

Из эпоса «Огузнама«

...Старики-сейисы рассказывают о Гарлаваче не иначе как со слезами на глазах. Его, гордость породы, знаменитого жеребца-производителя, было приказано убрать с подворья старого, ставшего немощным сейиса, чтобы конь не мозолил глаза ретивым начальникам. И тогда втихомолку люди вывезли Гарлавача в Маныш — в горы, где выпасался табун лошадей. Вожак стада, как и следовало ожидать, воспылал ненавистью к красавцу-сопернику и не подпускал его к лошадям. В одиночестве, преданный людьми и сородичами, бродил Гарлавач по горным склонам, пока не встретился с барсом, охотившимся за табуном. Тогда и произошла невиданная схватка коня и хищника, запечатленная народом в устных и письменных легендах.

Мы не можем удержаться, чтобы не привести одну из этих легенд.

...Барс пришел на рассвете, когда верхние отроги ущелья уже явственно прорезались на бледнеющем небе. Гарлавач с недоумением наблюдал за стелющимся по земле незнакомым существом. Он не знал, что можно ждать от этого существа, не похожего ни на собаку, ни на человека с кнутом, однако на всякий случай перестал жевать и насторожился.

Барса удивляло поведение коня. Натурой хищника он определил, что конь заметил его, но почему-то не ржет от страха, не скачет сломя голову по тропе мимо скалы, откуда барсу было бы очень удоб-

но прыгнуть ему на спину. Внезапно предутренний ветерок, мечущийся по прихотливым изгибам ущелья, донес до ноздрей коня запах зверя. Гарлавач весь подобрался. Голос древнего инстинкта в каждой клетке тела кричал: «Беги! Спасайся!», распрямлял, ломая, судорожно сжавшиеся мускулы. Гарлавач не поддался страху, сделал шаг вперед. Сбитый с толку, барс неуверенно прыгнул, промахнулся, режущая боль обожгла бок коня. Он всхрапнул, оскалил зубы и кинулся на врага. Барс отмахнулся растопыренной когтистой пятерней. Гарлавач отскочил и кинулся снова.

Вдалеке тревожно заржали матки, панической разноголосицей откликнулись жеребята, а Гарлавач продолжал сражаться, ему удалось лягнуть зверя задними ногами. Не успел тот оправиться, как конь ударил его еще и еще раз. Барс уже не помышлял о нападении, он пытался уклониться от сыплющихся на него сокрушительных ударов копыт, стремясь улизнуть подобру-поздорову. Гарлавач не давал ему передышки, пока, наконец, последним мощным ударом не швырнул обмякшее тело зверя в глубину ущелья. Только после этого он заржал победно и звонко, как не ржал, может быть, никогда в своей жизни. Гарлавач стоял на вершине, как изваяние, памятник яростной красоты и силы. Ноздри его жадно хватали воздух, сердце гулко колотилось о ребра, он готов был сражаться с целым миром.

Таким увидел его пастух, прибежавший с ружьем на выручку табуна. Он рассказал об этом своим товарищам, и те тоже удивились неслыханному мужеству коня. Они изменили свое отношение к скакуну, но Гарлавач не отозвался на ласку людей, слишком долгое время стегавших его кнутом. Он скалил на них зубы, как на барса, и пастухи махнули на него рукой: живи как знаешь. И он стал жить по-прежнему вольно и одиноко, не принимая лю-

дей и не принимаемый табуном. Теперь он мог бы на равных потягаться с косячим жеребцом, но тот благоразумно не задевал Гарлавача, а лишь уводил табун подальше от него, тем более, что одна из маток, самая красивая и легконогая, частенько посматривала в сторону пришельца.

Весть о новом подвиге изгнанника долетела до аула. Мухамедкули-ага, тяжело переживший разлуку со своим любимцем, не выдержал, махнул рукой на возраст, болезни и отправился в дальний путь на Маныш.

Гарлавач узнал его издали. И не побежал, а пошел навстречу, легко, еле-еле касаясь копытами земли. Он непрерывно кивал головой, словно здоровался со стариком. Может быть, он просто ржал, а может, действительно жаловался на свои невзгоды. Он подошел, положил морду на плечо Мухамедкули-ага. Старик обнял его, дрожащими руками стал гладить коня по лбу, по шрамам, оставленным когтями барса. И Гарлавач заплакал. Заплакал и Мухамедкули-ага.

Так они стояли рядом, конь и человек — два родных брата под огромным небом вселенной, и сердца их бились одинаково, в такт одно другому. Невесомыми, нежными, как ладони ребенка, губами конь трогал руки, трогал пергаментные щеки старика. А у того кривились и дрожали губы, когда он шептал:

— Потерпи, сынок, потерпи, друг... Знаю, плохо тебе, одиноко. Но ты не горюй. Придет наше время, все будет хорошо… Я слабый человек, а ты — конь, ты — сильный... Тугодумы считают тебя злым, но я знаю, что ты очень добрый, только не на кого тебе излить свою доброту. Потерпи, сынок, еще немножко...

Два дня Мухамедкули-ага гостил у пастухов. Два дня он рассказывал им о Гарлаваче. А Гарлавач пасся рядом, то и дело поглядывая на старика. Он

В окрестностях селения Касамлы Джульге (быв. Маныш).

не отходил дальше чем на десять шагов, хотя вокруг уже не оставалось травы, и Мухамедкули-ага, замечая это, то и дело менял место. По вечерам конь подходил к костру и тихо дышал за спиной старика. Казалось, он спит. Но, обернувшись, Мухамедкули-ага неизменно встречал огненные блики в конских глазах.

Это была их последняя встреча. Когда старик уходил домой, Гарлавача пришлось привязать на двойную привязь. Он рвался и громко ржал. Ржал, упрекая, негодуя, умоляя.

По настоянию Мухамедкули-ага Гарлавача решили пустить к кобылицам, которые снова появились на колхозной ферме. Но вскоре его опять отправили в горы, потому что он рвался на волю. Он дичал все больше и больше, характер у него становился вздорным и драчливым. Он бил и гонял косячего жеребца, отказываясь, однако, занять его место во главе табуна, кусал и таранил молодняк. Пастухи ругали его шайтаном, мировой язвой, гонялись за ним с кнутами и палками. При всем этом они в один голос утверждали, что Гарлавач ни разу не ударил матку, не обидел молочного сосунка, хотя сердито сопел и фыркал на жеребят, когда те, играя, подбегали к нему. Кстати, и сами жеребята вовсе не боялись сердитого отшельника.

Порядок в табуне нарушился, косяк потерял стройность и целостность, лошади нервничали, дрались. Выведенные из себя пастухи решили стреножить Гарлавача. Но он и стреноженный оставался неукротимым.

Однажды ночью снова появился барс. Был тот час между тьмой и рассветом, когда спит вся природа, даже хищники. Но барс был голоден и жаждал не отдыха, а теплого, упоительно вкусного мяса.

Зверь хорошо помнил полученный от Гарлавача урок и поэтому, уловив запах своего грозного противника, пытался обойти его стороной, направившись туда, где дремали беспечные жеребята. Но и конь обострившимся чутьем приметил зверя. Рванулся к нему не раздумывая, однако путы на ногах сковали движения. Барс бледной тенью заскользил между камнями и жеребятами. И тогда Гарлавач заржал во всю мощь своих могучих легких призового скакуна. Он прыгал изо всех сил за барсом и ржал, предупреждая о смертельной опасности жеребят, маток, вожака табуна.

Голос тревоги услышали. Резким отрывистым кличем вожак поднял табун и галопом повел его в

сторону от ущелья. Разочарованный в своих ожиданиях, барс несколько мгновений колебался: не попытаться ли догнать тихоходного сосунка? Но тут надвинулась громада Гарлавача. Барс рявкнул и яростно, не помня себя от злости, прыгнул на виновника неудачной охоты. Гарлавач принял бой, позабыв, что люди спутали ему ноги. Это и решило исход схватки. Когда на шум прибежали пастухи, их помощь уже не требовалась.

— Я предал его! — горестно воскликнул Мухамедкули-ага, узнав о трагической и гордой смерти Гарлавача. — Все предали его. А он погиб, спасая жизнь других! Я похороню его своими руками!

Нашлись такие, которые назвали желание старика сумасбродным. Однако, когда Мухамедкули-ага повез останки Гарлавача на кладбище, за машиной двинулась без малого половина аула. Шли и стар, и млад, и лица у людей были печальны, словно они действительно провожали в последний путь человека, а не коня.

Отлежавшись от своих немощей, Мухамедкули-ага решил посетить место, где принял свой последний бой Гарлавач, где одержал он свою последнюю победу над сердцами людей. Там внимание старика привлекла красавица-кобылица, возле которой, взбрыкивая и раздувая по ветру пушистую метелку хвоста, резвился беломордый жеребенок. Ничем не походил он на Гарлавача, но у старика почему-то заныло сердце, и он осведомился у подпаска, чей это стригунок. Подпасок ответил, что наверняка не знает, но матка та самая, которая уходила из косяка к Гарлавачу. «Его сын! — воскликнул Мухамедкули-ага. — Сын Гарлавача!», — и побежал к жеребенку...

Вот такая и вправду вызывающая слезы история... Мы привели ее не случайно, хоть она и не донесла до нас имени жеребенка. Может быть, им был Гандикап или Канат, а, может быть, Кальян

или Камбар — сыновья Гарлавача, продолжившие славную отцовскую линию, которая в Государственной племенной книге займет свое почетное место. В характеристиках этого потомства будет значиться, что оно отличается «исключительной красотой, своеобразием телосложения, крепкой и сухой конституцией, незаурядной работоспособностью и имеет высокий скаковой класс».....

В золотой век — с золотыми скакунами

«Брат тебе по крови — сокол,
легкокрылый голубь — брат».

Из поэмы Мятаджи «Конь»

...На просторной зеленой лужайке, примыкающей к новому ипподрому, то резвясь, то застывая в гордых скульптурных позах, эти двое были чудом, спустившимся с небес. Казалось, что, глядя на них, невольно замер величественный ипподром, ждущий часа своего торжественного открытия, а пока еще пустынный, таинственно поблескивающий тонированными стеклами окон и играющий стройным порядком зрительских трибун. И сам ипподром, и горы, что выступали за ним молчаливой вековой грядой, и воздух, напоенный особым запахом равнинного предгорья, и синее небо, глядящее с высоты, и даже само солнце — все любовалось, вбирало в себя «зрелище богов«. Ну нельзя сказать иначе, созерцая эту картину. Ей-богу, люди, что копошились рядом, кто фотографируя скакунов, а кто разглядывая их с восхищенным подобострастием, казались отнюдь не венцом природы. Венец, ее подлинное торжество — это они, отливающие темным блеском золота Янардаг и совсем золотой Пияда.

А фотографировали гордых красавцев для создаваемого каталога элитного ядра породы Президентской конюшни, где они все — 132 скакуна предстанут во всем своем внешнем и родословном блеске.

Когда-то туркмены не имели письменных родословных своих коней, но происхождение их по мужской линии знали и передавали из поколения в поколение.

Бойноу.
Фото конца XIX века.

Первая племенная книга чистопородных ахалтекинцев появилась в 1898 году, и помогли ее составить сами туркмены-коневоды. Это была продиктованная глубокой народной любовью экспедиция за лучшими из лучших. Коней искали на дайханских подворьях, за ними отправлялись в пустынные кочевья, некоторых приводили сами жители, подробно воссоздавая родословную своих любимцев. Лучшим из лучших стал Бойноу — конь, которого бережная селекционная народная память сделала родоначальником современных пород лошадей. Родившийся в 1885 году, Бойноу был конем-легендой, не проигравшем ни единой скачки, оставившем большое и резвое потомство.

Только выдающийся жеребец может стать главой целого клана, насчитывающего сотни детей, внуков и правнуков. У кобыл судьба иная: они не успевают оставить после себя более 10-12 жеребят. Поэтому все линии исконно называются по линии выдающихся жеребцов. Родоначальниками пяти самостоятельных линий стали потомки Бойноу: сы-

новья Мелекуш и Мелечен, внуки Баба-Ахун и Довлет-Ишан, а также правнук Бек-Назар-Ал, от которых пошло большое разветвление породы.

В настоящее время структурный тип ахалтекинской породы представлен семнадцатью линиями, которые ведут свою родословную от прославленных жеребцов. Вот их имена:

АКСАКАЛ
СКАК
ЭВЕРДЫ-ТЕЛЕКЕ
КИР-САКАР
ДОР-БАЙРАМ
ПОСМАН
СЕРЕ
ПЕРЕН
ЕЛЬ
ГАПЛАН
ФАКИР-ПАЛЬВАН
СЛУЧАЙ
ГАРЛАВАЧ
АРАБ
САПАР-ХАН
МЕЛЕКУШ
ГЕЛШИКЛИ

В Государственной племенной книге все они имеют свой порядковый номер, как и другие жеребцы и кобылы-производители, так что та или иная линия выражается сложным порядком чисел, воспроизводящем всю родословную скакуна.

Но вернемся к нашим героям — Янардагу и Пияда, вернее, к их родословной. Янардаг представляет линию знаменитого Факир-Пальвана — высокого статного жеребца, победителя многих скачек и выставок-выводков и родившегося в 1951 году. Ровно через сорок лет, в 1991 году, году

Памятник Полотли на шоссе между Ашхабадом и Багиром.

Справа: Пияда.

образования независимого Туркменистана, его потомство будет вознаграждено появлением Янардага, чем и прославит себя как ни одна другая племенная линия.

Пияда, имеющий титул эталона красоты и грациозности, принадлежит к линии Перена — жеребца золотисто-буланой масти, родившегося в 1955 году. Перен характеризуется как крупный и массивный ахалтекинец с хорошо развитым костяком и крепкой конституцией. Из линии Перена особо знаменит Полотли, оставивший после себя выдающееся потомство числом 76 чистопородных жеребят. За столь выдающийся вклад в процветание породы, а также за достоинства по части эстерьера и резвости Полотли был установлен прижизненный памятник у входа на ипподром, где он много лет побеждал на скачках, доставляя подлинное удовольствие тысячам и тысячам поклонников быстрой, ни с чем не сравнимого бега «небесных аргамаков».

Сегодня в Президентской конюшне представлены все линии разведения в ахалтекинской породе. Здесь воспитываются Янардаг, элитные жеребцы Пияда, Битараплык, Тебигат, Херегдаг, Кервенбаши, Карфаген. В настоящее время это вершина селекционной работы в породе, ибо это лошади, которые могут стать продолжателями или родоначальниками новых линий.

Ахалтекинскую породу прославили многие скакуны, чьи имена не только вписаны в элитную родословную, но навечно вошли в народную память. Одна из легендарных линий — линия Мелекуша. Это самое распространенное, самое любимое имя ахалтекинца, ставшее почти нарицательным. Происхождение его связано со знаменитой легендой.

… Как-то во время состязаний одному скакуну не нашлось соперника. Посовещались старики и

Якорь,
сын Янычара
и Октавы.

**Эрекдаг,
сын Эденли
и Гулистан.**

Тебигат,
сын Телегуша
и Аласар.

**Битараплык,
сын Талкана
и Йылгын.**

решили избрать соперником не коня, а сокола. По всему Ахалу разнеслась весть о необычном соревновании, тысячи людей пришли посмотреть. И вот из толпы вышел хозяин сокола, поднял вверх приманку — кусок сырого мяса. Одновременно выпустили на дистанцию гнедого скакуна и птицу. Словно стрела промчался мимо изумленных зрителей конь и секундой позже опустился на руку хозяина сокол. Говорят, с тех пор и дают ахалтекинцам имена птиц: Мелекуш (буланая птица), Гарлавач (ласточка), Гарагуш (орел), Лачын (сокол), Дурна (журавль), Бургут (беркут).

Ахалтекицы по имени Мелекуш составили целую династию скакунов ярко выраженной булано-золотистой окраски.

...Однажды Мелекуш как ярчайший представитель породы был послан на Международную лейпцигскую ярмарку. Публика тесным кольцом обступила коня, золотистое мерцание от гладкой шерсти которого казалось невероятным. Конь отсвечивал настоящим золотом. И люди не поверили, решив, что скакуна покрасили. Тут Мелекуша на глазах у всех взяли и искупали. С удовольствием приняв душ, Мелекуш встряхнулся, подняв облако прозрачных брызг, и остался, как и был, золотисто-буланым, только еще ярче засверкало золотом его стройное и могучее тело. Посетители выставки были изумлены, все буквально влюбились в туркменского скакуна и подолгу не расходились, с восхищением любуясь невиданной горделивой статью и грациозностью ахалтекинца.

Не меньший, если не больший фурор произвел этот же Мелекуш и на международной выставке в Дели. Индийцы, умеющие тонко ценить и понимать красоту коней, пришли от жеребца в неописуемый восторг и завороженно смотрели на него как на божество. В последний день выстав-

Бабали Таймазов на Мелекуше. 1956 год.

ки они украсили маститого ахалтекинца гирляндами цветов, разместили возле него музыкантов и танцовщиц. А затем почетные старцы страны горжественно попросили оставить Мелекуша в Индии в память о прославленном поэте и полководце Байрам хане туркмене, который почитается в Индии наравне с национальными героями.

Так Мелекуш остался в Индии...

Другая история про то, как старший брат этого Мелекуша — Мелекуш II оказался в Англии. Ее рассказывал сам Бабали Таймазов — знаменитый туркменский сейис, который и сопровождал в Лондон Мелекуша, подаренного в 1956 году английской королеве.

...«Сел я на Мелекуша, подъехал к королеве. На мне — красный домотканый туркменский халат, на голове — белый тельпек. Конь, чувствуя, что за ним наблюдают, начал играть. Ну, думаю, не подведет. Королева, улыбаясь, слегка аплодирует. Передаю уздечку английскому стремянному. Тот оказался хорошим молодцом. Быстрым движением сел на коня. Вдруг, помахав рукой, королева дала понять, чтобы англичанин слез с коня. Она как бы хотела сказать: «Слезай с туркменского коня, туркмену больше подходит сидеть на родном скакуне». Умным человеком была королева. С первого взгляда определила, что туркменский конь подходит только туркмену».

Сколько правды, мудрости и затаенной горечи в этом бесхитростном рассказе туркменского сейиса. Уж кто-кто, а он, Бабали Таймазов, участник конного перехода 1935 года, знал цену коню, не посрамившему в том многодневном и трудном переходе до Москвы честь туркменского джигита. Не потеряв в походе ни одного скакуна, уже здесь, в Москве, прощались джигиты с лучшими из лучших, в том числе с белоснежным Арабом. Это на нем через десять лет маршал Жуков будет

На параде Победы.
1945 г.

принимать Парад Победы, и это будет тот случай, когда прощание элитного скакуна с родиной найдет свое высокое оправдание. Ахалтекинец Араб, символ породы, посланец своей солнечной страны, станет символом Победы, посланцем мира! Как будут гордиться этим туркмены, как на все лады будут пересказывать внукам и правнукам удивительную историю про то, как удостоился Араб этой чести.

...Претендента выбирали долго. Требовался конь, который бы чувствовал ритм, задаваемый духовым оркестром. Для этого отобрали десять самых лучших скакунов, предварительно наметив английскую лошадь. Репетиция затянулась. Проверка до того всех измотала, что лошадей поместили в загон. Решил отдохнуть и военный оркестр, сменив звуки марша на вальс. И вдруг, перепрыгнув через ограду загона, на площадку вырвался белый жеребец. Немного постояв, словно прислушиваясь к мелодии, он закружился в такт вальса. Все буквально замерли в восхищении. Выбор был сделан мгновенно в пользу этого чудесного, этого славного, этого музыкального скакуна!

Можно себе представить, как любили его те, кто холил и пестовал, кормил и тренировал, вкладывая в него и жизнь, и душу, и память предков! С какой же горечью, с какой болью в сердце расставались сейисы со своими любимцами! Кому-кому, а им, разделившим с конем судьбу, было трудно, невозможно смириться с тем, что самые лучшие, самые породистые скакуны отправлялись за пределы родной земли. Но именно им, туркменским сейисам, мы обязаны тем, что в самое драматичное для туркменского коневодства время ахалтекинцы выжили и продолжили свою великую родословную.

Заслуга этого поколения сейисов-тренеров, сейисов-жокеев в том, что, продолжив дело отцов, они подняли его на новую ступень славы, воспитав блестящую плеяду скакунов-спортсменов, развив в ахалтекинцах их природное призвание самоотверженно служить человеку, но уже в его мирной жизни.

Всю жизнь отдал ахалтекинцам уже упомянутый нами Бабали Таймазов, возглавивший целую династию сейисов-тренеров. В Ашхабадское землетрясение он потерял всю свою семью, сам же спасся благодаря коням, с которыми проводил день и ночь. В ту страшную ночь он тоже находился в конюшне, а когда вбежал в дом, то уже не застал в живых никого...

Кони безраздельно завладели его жизнью, им он отдался со сдержанной, не выставляемой напоказ страстью истинного джигита. Подлинное воплощение туркменской натуры, он сам ценил в людях скромность, терпение, несуетность. Он говорил: «Мои соотечественники — такой народ, что свои достижения не очень-то выставляют напоказ. Радость и горесть свои сохраняют при себе. Для такой сдержанности нужно сердце, как у коня».

Непревзойденным жокеем был брат Бабали Тайли Таймазов, не позволявший никому называть лошадей животными. Он оставил о себе память кристально чистого и честного человека, любившего повторять: «Кто потерял честь и совесть, того нельзя подпускать к скакунам».

Все сыновья и внуки пошли по стопам Тайли-ага. Уже в старости, не в силах скакать на коне, он оставался стремянным — придирчиво следил за кормлением и водопоем коней, определял норму корма для скакунов в канун скачек. Когда у него спрашивали, как он подсчитывает эту норму и нет ли здесь какой тайны, он отвечал: «Никакой тайны нет. Норму я могу подсказать любому, даже сопернику. Но дело не только в этом. Каждый конь получает столько корма, сколько ему положено перед скачками. Это должно чувствовать сердце твое, твоя душа...»

Многие ипподромы мира рукоплескали победам Бегмурада Мурадова и его Кандикапа. Но знали Бегмурада в народе исключительно как Емщика — это прозвище прилипло к нему насмерть. Еще говорили в народе, что коней Емщик любит больше единственного сына. Сын Довлет, когда вырос и пошел по стопам отца, подтверждал это безо всякой обиды на него. «Если бы я смог сделать хоть сотую долю того, что сделал отец, я бы был доволен собой», — говорил Довлет. Еще он рассказывал о том, как умер отец: «Однажды утром он отправился к своему, тогда уже любимому молодому жеребцу Гарлавачу, поездил на нем, а вечером схватило сердце, да так и не отпустило».

Как будто чувствовал сейис, какая судьба уготована Гарлавачу!

Впрочем, Емщику и при жизни многое пришлось пережить, глядя на бездумные действия тех, кто привел породу к закату. Всей своей ду-

шой он восставал против метизации ахалтекинцев с кем бы то ни было, даже с английской чистокровной. А одно время практиковали и такое. «Скачки с участием метисных коней долго продолжаться не будут, туркмены снова вернутся к коням своей породы», — говорил этот неравнодушный человек, и был, как оказалось, глубоко прав.

Целый мир вместило в себя стойло коня для Ата Илева, чье имя, не получившее славы при жизни, стало легендой после смерти. О нем говорили, что это был жокей-самородок, сейис от Бога. Мальчишкой, едва взобравшись на лошадь, он уже с нее не спускался. Его невозможно было загнать ни домой, ни в школу, так что даже мать смирилась, видя такую безраздельную любовь сына к коням. Всю жизнь Ата Илев проработал тренером и жокеем на конезаводе «Комсомол», потому и не был обласкан ни славой, ни начальством, перед которым не гнулся, попросту не замечая его. А поскольку в те годы свое, национальное, не ценилось, не был в цене и талантливый сейис-самородок, знавший подход к любому скакуну, творивший чудеса с ним и на нем.

Зато ценил и безмерно гордился своим учеником Дмитрий Терентьевич Клименко, который наравне с Марией Даниловной Черкезовой вошли в историю туркменского коневодства как истинные патриоты туркменской земли, самоотверженно преданные ахалтекинцам. О любви их обоих к туркменским коням ходили легенды, как, впрочем, и о любви к ним самих ахалтекинцев. Эти люди, нашедшие жизненное призвание в Туркменистане, до конца дней своих сохраняли трепетное отношение к земле, взрастившей ахалтекинского скакуна. Тренеры-сейисы, они, будучи смелыми и решительными людьми, отчаянно боролись с невежеством системы и многое сдела-

ли для того, чтобы сохранить породу, не дать случиться ее полному вырождению.

Все те, о ком мы здесь так коротко рассказали, — это, конечно же, героические люди, наделенные особым даром приносить всю, без остатка, жизнь служению благородному созданию природы — туркменскому скакуну. Разумеется, это далеко не все, чьи имена составляют гордость туркменского коневодства. Но всех нашла заслуженная слава, пришедшая вместе с возрождением национального духа, с воскрешением святого отношения к великим ценностям нации. Учрежденное Сапармуратом Туркменбаши почетное звание «Заслуженный коневод Туркменистана» присвоено каждому, кто верой и правдой, честью и совестью служил великому и нетленному дару туркменской земли — коню-ахалтекинцу. Это им мы обязаны тем, что золотые скакуны, олицетворяя золотой век туркмен, множат собою национальное достояние, с которым навряд ли что может сравниться.

Ты был и будешь первым!

«У верблюда стопа большая,
у коня — слава».

Туркменская пословица

В начале XX столетия, спустя две с половиной тысячи лет, человечество вернется к Олимпийским играм — великому достижению древних греков, открывших миру красоту и зрелищность спортивных состязаний. Вновь подтвердится истина, что все новое — это хорошо забытое старое. Эта истина подтвердится и тогда, когда, сменяя друг друга на протяжении нескольких последних веков, знаменитая европейская школа верховой езды вернется к исходному — естественному принципу выездки лошади. Выяснится, что никакие искусственные, утяжеленные, в том числе с помощью кнута и шпор, методы дрессировки не разбудят в лошади ее природных способностей к прыгучести, изяществу и грациозности движений.

«Когда на Востоке играли музыку, Европа еще спала подо льдами». А этот широко распространенный афоризм тоже подтвердится на примере лошади, точнее коня, и небезызвестного, а вполне реального, с именем и славой. Им станет ахалтекинец Абсент, сын нашего знаменитого Араба. Но славу своего отца он не только умножит, но удесятерит, войдя в историю мирового конного спорта. На протяжении двенадцати лет он будет держать олимпийское первенство, выходя победителем трех Олимпийских игр подряд — в Риме (1960 г.), Токио (1964 г.) и Мехико (1968 г.). Под седлом знаменитого наездника Сергея Филатова он буквально покорит мир, за что и будет удостоен титула «лошадь XX века». Абсенту не будет равных в выездке — самом утонченном виде кон-

Памятник Абсенту.

ных состязаний, а пассаж — коронный номер высшей школы верховой езды он научится исполнять с таким непревзойденным блеском, что именно в этом движении будет увековечен в памятнике…

…В пассаже лошадь движется ритмичной рысью, выдерживая такт и соблюдая определенные паузы во время переходов на диагональ (то есть с передней правой ноги на заднюю левую — переднюю левую — заднюю правую и наоборот).

В манежной езде — элементе троеборья, включающем в себя полевые испытания и конкур (преодоление препятствий), всадник демонстрирует смену аллюров — с шага переходит на галоп или на рысь и т.д.

Именно требование естественных аллюров заключала в себе знаменитая Венская испанская школа верховой езды, которая добивалась того, чтобы движение лошади под всадником было

Сергей Филатов на Абсенте.

таким, как если бы она двигалась без него. Вступив в соревнование с сильнейшими наездниками мира — представителями лучших школ верховой езды — английской, итальянской, немецкой, Сергей Филатов на ахалтекинце Абсенте продемонстрировал не советскую, как писали в те годы, а вековую школу выучки туркменского коня. В своей книге «Рим рукоплещет» он запечатлеет покоривший его с первого взгляда, а затем и покоривший весь мир облик ахалтекинского скакуна: «...Передо мной стояло живое воплощение моего заветного желания. Лоснящийся вороной красавец, необыкновенно гармонично сложенный. Чудесная породистая голова с белой звездочкой во лбу. Горделивая лебединая шея. Стройные ноги в белых чулках. Длинный «на отлете», с хорошим отделом хвост... В работе Абсент был послушен как ребенок, тренировать его казалось особенно легко. Правда, он был очень нервный и очень щепетильный. Наказывать его шпорами и в мыслях не было. Абсент очень бурно реагировал на такое наказание и дол-

го бы его помнил. И я за всю свою работу с ним не наказывал его строго».

Как тут не вспомнить туркменскую поговорку «пока знаток за дело не возьмется, из лошади не выйдет иноходца»... Кстати, иноходь — это врожденный, хотя и не естественный аллюр лошади — его нужно специально закреплять: он быстрее рыси, но удобен прежде всего для всадника. Лошадь при этом выбрасывает вперед то обе левые, то обе правые ноги, тогда как при рыси — переднюю левую и заднюю правую и наоборот.

Иноходец, по преданию, был у Огуз хана и звали его Сют-ан (молочно-белый).

Изучая описание тренинга Киккули, ученые опирались на тот факт, что на древних изображениях кони стоят, идут шагом или же галопируют. Это значит, что лошади шли иноходью, то замедляя, то убыстряя движение. Эту врожденную способность коня менять на ходу аллюры и взяли на вооружение древние сейисы-тренеры, путем многодневных тренировок добиваясь исключительной быстроты смены этих аллюров. Необходимость такого чередования нагрузки вытекала из опыта подготовки лошадей к длительным пробегам во время военных походов.

Нацеленные на воспитание у лошади выносливости, именно эти тренировки развивали в ней врожденную резвость, что было неотделимо одно от другого. Нет никаких сомнений в том, что этот тренинг был во многом обусловлен достоинствами самого туркменского коня, имевшего мягкий и эластичный шаг. Если иная чистокровная верховая идет высоко поднимая ноги и раскачивая корпус, ахалтекинец, несмотря на крутоватые бабки, идет плавно, как бы скользит по земле, корпус его не раскачивается. От запястного сустава он низко выносит ногу. Скользящим движением опирается на почву и эластично отталкивается. Ведь

ахалтекинец тысячелетиями воспитывался в пустыне, на песчаном грунте, что не могло не отразиться на характере его аллюров. Древние туркменские сейисы раскрыли не только способности лошади, но и подобрали ключ к ее благонравной душе, откликающейся на волю человека.

Достоверные сведения о том, как проводили заездку ахалтекинцев туркменские сейисы в уже поздние времена, были собраны в ходе специальных экспедиций в Туркменистан российских ученых-коневодов в 20-30-е годы. Вот как, в общих чертах, характеризовался этот тренинг.

...Отъем жеребят от маток туркмены проводили не ранее пяти-шестимесячного возраста. Однако было немало случаев, когда жеребенок оставался в хозяйстве дайханина и ходил за матерью до года. К недоуздку его приучали до отъема, затем выводили на поводу. Наверное, лошадь, выросшая около жилища хозяина, бравшая корм только из его рук, поддавалась первоначальному обучению гораздо легче. Когда жеребенок при-

выкал к удилам и поводу, ему на спину клали вьючок из двух снопов люцерны, приучая таким образом к ощущению тяжести на спине. Затем на лошадь, не достигшую годовалого возраста, сажали мальчика и подготавливали ее к осенним скачкам полуторагодовиков.

Подготовка состояла из трех периодов и продолжалась пять-шесть месяцев. В первые 2-2,5 месяца лошадь держали на привязи и откармливали, давая в день 6 килограммов ячменя и вволю люцерны. Если замечали, что она поправляется плохо, то к ячменю добавляли смесь из топленого сала, яиц и лепешек.

За 3-3,5 месяца начинали «выдержку», то есть подсушивали молодняк, работая на шагу и под кошмой, покрывая за день дистанцию в 15 — 20 километров (за четыре приема).

Затем переходили к более серьезной работе: в день делали до пяти проездок шагом, к концу месяца — ежедневно резвый галоп на расстояние до 150 метров, постепенно увеличивая его.

За пять дней до скачек совершали ежедневно по три проездки шагом и рысью. В день скачек утром — резвую проездку до сильного потения (чтобы пот лился на землю). После потения давали зеленой люцерны и ехали на скачки, где до момента выступления водили лошадь, скармливая ей по веточке люцерны, а перед стартом — пригоршню ячменя.

Лошадь считалась готовой к испытаниям, если ребра и моклаки у нее четко выделялись, а шерсть на крупе, если провести против нее, оставалась взъерошенной. После скачек лошадей долго вываживали.

Была и другая система подготовки, когда в первом периоде, наоборот, давали меньше корма, чтобы лошадь похудела, а по мере приближения к сезону скачек начинали откармливать, прибав-

ляя к ячменю кукурузную муку и жир из овечьего хвоста, что, по мнению сейисов, придавало лошадям необыкновенную силу...

В одном из советских изданий подчеркивалось, что едва ли древняя туркменская система подготовки коня могла иметь хоть какое-то отношение к Абсенту, родившемуся в 1952 году...

Какое наивное и глубокое заблуждение! Вспомним «секреты» Тойли Таймазова, говорившего, что они, эти секреты, не в нормах, а в сердце сейиса и душе лошади. К тому времени, когда Абсент покорял олимпийские пьедесталы, в конном спорте утвердилась западно-европейская школа выездки, которая отказалась от искусственных движений — эффектных, но очень трудных для лошади. В корне изменился подход и к оценке выступлений спортсменов. Как и прежде, выступление должно быть красивым. Но теперь красоту видели не в са-

мых сложных элементах вроде испанской рыси или галопа на трех ногах, а в мягком, естественном, раскованном движении лошади под всадником, в ее подчинении человеку — полном и охотном.

Так что не случайно на мировом конном небосклоне засверкал ахалтекинец Абсент, чьи движения были не только отточены наездником, но отшлифованы вековой культурой туркменского коневодства, этой древнейшей в мире школой верховой езды.

В историю туркменского коневодства вписано еще одно славное имя — Владимира Петровича Шамборанта — потомка старинной французской фамилии, в роду которой не переводились кавалеристы. Увидев на одной из предвоенных сельскохозяйственных выставок ахалтекинца (это был знаменитый Мелекуш), он влюбился в него раз и навсегда и всю свою судьбу посвятил туркменскому аргамаку. Ради него он переехал в Туркменистан и стал работать на Ашхабадском конезаводе. В поиске нужных лошадей Шамборант без устали колесил по пустыне, посещал дальние селения. Благодаря невероятному чутью, он видел ценные черты даже в невзрачной с виду лошади и редко ошибался — отобранные им скакуны впоследствии давали великолепное потомство. Основатели известных линий Факир-Пальван и его полубрат Гелшикли, носивший титул чемпиона породы, — это селекционное наследие Шамборанта. Сменив не один конезавод, где его титаническими усилиями создавались отделения ахалтекинцев, он воевал, сражался за них, как лев, и до конца своих дней жалел, что расстался с родиной аргамаков.

Всю свою жизнь он не переставал восторгаться туркменской лошадью. «Это самая древняя из древних, чистокровная из чистокровных», — говорил он, резко критикуя попытки сделать ахалтекинца универсальным конем, переделать его «и

под воду, и под воеводу». Он был одержим идеей возродить почти утраченный древний тип боевой туркменской лошади, в которой видел природную способность к выездке и прыжку. Он был уверен, что ахалтекинца ждет большое будущее в спорте и мечтал, что когда-нибудь он поскачет на равных с английской верховой — кровной наследницей туркменского аргамака.

Считается, что английская чистокровная превзошла ахалтекинца в резвости. Но это справедливо лишь отчасти. Она стала самой резвой породой в мире лишь потому, что в ее жилы попала кровь ахалтекинца. История о том, как это произошло, и любопытна, и поучительна.

...Одним из могущественных государств, созданных туркменами, было Туркмено-османская держава. Под названием Османской империи, говорится в Рухнама, это государство, основанное отцом Эртогрулом газы и его сыном Осман беком, свыше 600 лет господствовало на трети земли. Отсюда, из Малой Азии, ахалтекинцев в бесчисленном количестве вывозили в Европу. Так, под видом «турецких» попали они в Англию, где лошадей исконно ценили и знали в них толк. Увидя, как благотворно повлияли на местную породу пришельцы с Востока, англичане не стали терять времени даром. Опытные селекционеры, они заложили ядро новой породы из трех выдающихся восточных жеребцов, которых судьба забросила в Англию совершенно разными путями. Вороной Байерлей Тёрк был захвачен у османов во время осады Вены и доставлен в Англию капитаном Байерлеем в 1688 году. Гнедой Дарли Арабиан был в 1709 году куплен у бедуинов английским купцом Томасом Дарлием. Темно-гнедой ахалтекинец Годольфин попал в Англию из Франции в 1724 году.

Но, как бы там ни было, именно они — три породистых скакуна стали родоначальниками

Живший в XVII веке знаменитый скакун Байерли Тёрк.

Дарли Арабиан, привезенный в Англию в 1702 году.

мужских линий новой английской породы, определив все ее дальнейшее развитие в строгом следовании чистоте крови.

Долгое время считалось, что английская верховая произошла от арабского скакуна. Но это было скорее семантическое заблуждение, вызванное именем одного из родоначальников породы — Арабиана.

Ахалтекинцу ведь не везло по этой части. Завезенный в 90-х годах XVIII века в Германию буланый жеребец Туркмен-атти, от которого повелась знаменитая верховая тракененская порода, в племенных книгах Тракененского завода значился как арабский. Собственно, и имя-то свое он получил лишь тогда, когда, представленный однажды знатной публике, был узнан одним из турецких гостей, громко воскликнувшим: «Туркмен атти!» (туркменский конь).

Ну а что касается самих арабских скакунов, то давно доказано, что получили их арабы, тоже знавшие толк в конях, от скрещивания с ахалтекинцами. А поскольку начался этот процесс давно, с приходом в Среднюю Азию ислама, то и затерялась во времени истинная причина происхождения «араба». Ведь даже в эпосе «Гёроглы» говорится о том, что легендарный Гырат происходил от арабского скакуна. Но это позднейшее наслоение, которое было вкраплено в эпос под влиянием арабской культуры.

Однако, как бы там ни было, ахалтекинец был и оставался ахалтекинцем. И нежность кожи у него была «из ряда вон выходящая. Даже при спокойном состоянии обрисовываются все жилки. Даже профан неминуемо придет к заключению о большой кровности ахалтекинской лошади». Так изумленно-изысканно выразился один из русских путешественников в конце XIX века.

А еще изумлялись они способности ахалтекинца внимать голосу трубы. (Вспомним рожок из Маргианы). На зов трубы кони, разворачиваясь на полном скаку, уносили всадников назад, и это был один из хитрых военных приемов.

Но мы сейчас говорим о других приемах — спортивных, которым столь же послушна природа нашего скакуна. Возвращаясь к истории с анг-

лийской чистокровной, обратим внимание на ее поучительность, отмечаемую многими современными иппологами. Поразительное сходство между современной ахалтекинской и английской чистокровной породами, говорят они, свидетельствует о том, что англичане размножили и усовершенствовали созданную туркменами лошадь, но в узко призовом ипподромном направлении.

Это заключение с полным правом можно отнести ко всем другим верховым породам мира, которые, будучи облагорожены кровью туркменского аргамака, развивались в последние столетия в том же направлении. Особенно это было характерно для Европы, где побеждала цивилизация и где лошадь становилась не только ее средством, но и целью — целью удовольствия, развлечения, спортивного азарта.

Ахалтекинца в этот период постигла, как известно, более печальная участь. Вместе со своим многострадальным народом он боролся за существование и выживал, поддерживаемый лишь силой своей крови и преданностью туркмена. Но с какой бы стороны ни подойти к истории нашего скакуна, во все ее периоды он был и оставался первым, поведя за собой все культурное коннозаводство мира, весь мировой конный спорт. Мы имеем в виду не только Абсента. В середине XX века Араб установил рекорд мира, преодолев препятствие в высоту 2 метра 12 сантиметров, а мировой рекорд по прыжкам в длину (8 метров 78 сантиметров) установил ахалтекинец Перепел. Высокие достижения демонстрировали ахалтекинцы Пентели, Герек и Могара в конкуре, Пропеллер — в троеборье.

В конном пробеге 1935 года длина суточных переходов доходила до 120 километров — рекордного расстояния. В среднем хороший ахалтекинец проходит километр за минуту с небольшим — это тоже непревзойденный результат.

Всадники-спортсмены отмечают, что у ахалтекинца просторные продуктивные движения: эластичный шаг, свободная рысь, мощный галоп. Он очень отзывчив на средства управления, обладает природной способностью к прыжку, смело идет на любое препятствие. Наконец, они говорят, что это интеллигентная лошадь с высокоорганизованной нервной системой, с обостренным чувством достоинства, на которой может ездить только умный всадник, способный оценивать физическое состояние и настроение лошади.

Стихия ахалтекинца, утверждают спортсмены, — это индуранс — продолжительный конный марафон, становящийся во всем мире самым массовым и популярным видом конного спорта.

Международные требования к участникам индуранса не позволяют испытывать лошадей моложе шести лет. У туркмен есть пословица — «семь лет настоящему жеребцу». В советское время сложилась практика, когда жеребца после

шести лет возвращали в хозяйство. Это не позволяло до конца испытывать лошадь, не давало возможности выявить природные задатки ахалтекинца на выносливость, проявляющиеся в более старшем возрасте.

Сегодня коневодство Туркменистана возвращается к своим истокам. Поставлена цель не только выращивать типичных и чистокровных лошадей, но добиться, чтобы это была хорошая спортивная лошадь. Пересмотрены формы и дистанции испытаний, помогающие выявлять самых типичных скакунов. Появились новые названия призов — «Президентский», «Золотой век», «Большой Ахал» и другие. Все эти призы соответствуют задачам селекции, что позволяет выявлять лучшую часть чистокровных ахалтекинских коней на различных дистанциях с учетом выраженности типа породы. Сегодня этот фактор является основным при определении племенной ценности скакуна. С этой целью дважды в год проводятся выставки-выводки. Это весенняя «Алтын асыр», проводимая по пяти номинациям в День скакуна. Другая выставка приурочена ко Дню независимости и проводится по тринадцати номинациям.

Ахалтекинец, возрожденный к жизни, продолжает бить рекорды — резвости, неутомимости, стремительности. Жокеи рассказывают, что самое тяжелое на скачках — это усидеть на коне в момент старта, а некоторые даже сравнивают старт ахалтекинца с катапультой в самолете.

А сколько рекордов на своем веку побил ахалтекинец на народных скачках — ведь они сопутствовали всей жизни туркмен, привнося в нее и удовольствие, и радость, и восторг. А какие чудеса прыти и изворотливости демонстрировал скакун в конских народных играх, которых было у туркмен великое множество. Сегодня эти игры

возвращаются, даря народу столь любимое им светлое, праздничное восприятие жизни.

Многое из того, что рождает именно такое восприятие жизни, возвращается сегодня в душу туркмена — душу чистую и светлую, исполненную оптимизма и веры в земное, разумное, предназначение человека. «Эту веру в себя и надежду на лучшее, — говорится в Рухнама, — туркмен избрал как единственно верный способ существования, когда дух не подавляется унынием и разочарованием, а возвышается над ними, творя добро и сострадание, рождая великодушие и гу-

манность, вызывая любовь к своему народу и родной земле, стремление к единению со своей нацией».

«Более всего я горжусь тем, — говорит Великий Сердар, — что к тебе, мой народ, возвращается вдохновение, что на крыльях своего духа ты вновь паришь над историей, созидая свою судьбу и свое будущее».

Все созидание на древней родине древнего коня подчинено этой великой цели, а сам он — символ новой эпохи, символ красоты и здоровья, становится тем, кем рожден, — самым быстроногим и преданным другом человека.

Закончим эту книгу еще одной цитатой из Рухнама: «Мы родились и выросли на этой земле, ставшей нашей Родиной, мы объединились под этимнебом. Под этим небом мы вступили в новую эпоху. А новая эпоха требует новых гармоничных отношений. Как между нацией и государством, так между природой и человеком...»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 21

Глава I. За тайнами веков 23
5 миллионов лет или «момент истины»? 24
В плену у времени 28
Где теряются следы ахалтекинца? 32
В историю — на коне и колеснице 45
Жеребенок из Маргуш 54
Человек из Маргианы 62

Глава II. Под солнцем туркменской земли 69
Кто научил коня благородству? 70
Селекционеры от природы 80
Всю жизнь — на коне 94
Овеянные славой 106

Глава III. Посланец мира, символ новой эпохи 123
«Прыжок» длиною в сто лет... 124
Джигит, оседлавший время 133
Легенда о Гарлаваче 144
В золотой век — с золотыми скакунами 151
Ты был и будешь первым! 167

Под общей редакцией В. М. ХРАМОВА

Автор текста Л. К. ГЛАЗОВСКАЯ

Подготовили к печати:
Д. А. ТАИМОВА, Р. Г. МУРАДОВ, А. Р. ОРАЗОВ
Дизайн и компьютерное обеспечение: М. В. ПАПАНОВ, Г. А. РАДЖАБОВ

Специальная фотосъемка: Р. КОЗУБОВ, В. САРКИСЯН
В книге использованы фотографии В. КОМАРОВА и Ю. ШКУРИНА
а также материалы из фотоархива TDH, репродукции картин художников
Амана Амангельдыева, Чары Амангельдыева, Ярлы Байрамова, Кульназара Бегмурадова, Мамеда Мамедова
и скульптурные работы Нурмухаммеда Атаева

Printed in Germany

© TDH, 2003